

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
Кафедра гражданско-правовых дисциплин

И. о. заведующего кафедрой
д-р юрид. наук, доцент
Л.В. Зайцева

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
магистерская диссертация

«СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КОНТРОЛИРУЮЩИХ
ДОЛЖНИКА ЛИЦ ЗА НЕВОЗМОЖНОСТЬ ПОЛНОГО ПОГАШЕНИЯ
ТРЕБОВАНИЙ КРЕДИТОРОВ ПРИ ЕГО БАНКРОТСТВЕ»

40.04.01 Юриспруденция
Магистерская программа «Корпоративный юрист»

Выполнил работу
студент 3 курса
заочной формы обучения

Евгений
Игоревич
Ненароков

Научный руководитель
канд. юрид. наук, доцент

Павел
Николаевич
Байматов

Рецензент
арбитражный управляющий,
член ассоциации Евросибирская
саморегулируемая организация
арбитражных управляющих

Гульнара
Глюсовна
Гаврилова

Тюмень
2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ГРАЖДАНСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА БАНКРОТСТВО	10
§1. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РОССИИ.....	10
§2. РАЗГРАНИЧЕНИЕ ДЕЛИКТНОЙ И СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ.....	17
§3. ВИДЫ СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ДОЛЖНИКА ЛИЦ В РАМКАХ ДЕЛА О БАНКРОТСТВЕ	24
ГЛАВА 2. СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ДОВЕДЕНИЕ ДОЛЖНИКА ДО БАНКРОТСТВА	27
§1. ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДОВЕДЕНИЕ ДО БАНКРОТСТВА.....	27
§2. СУБЪЕКТ СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДОВЕДЕНИЕ ДО БАНКРОТСТВА.....	31
§3. ОБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ДОВЕДЕНИЯ ДО БАНКРОТСТВА.....	38
§4. СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ДОВЕДЕНИЯ ДО БАНКРОТСТВА.....	42
ГЛАВА 3. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ОРГАНИЗАЦИЙ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ.....	46
§1. ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ДОЛЖНИКА ЛИЦ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ	46
§2. ПРИВЛЕЧЕНИЕ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ПРАВОСУДИЯ АРБИТРАЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ	48
§3. ПРАВА КОНТРОЛИРУЮЩИХ ДОЛЖНИКА ЛИЦ	55
§4. ДЕЙСТВИЕ НОРМ, РЕГУЛИРУЮЩИХ СУБСИДИАРНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, ВО ВРЕМЕНИ	60
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	67
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	70

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. История развития института субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц имеет непродолжительную историю в отечественной доктрине гражданского права. Формирование соответствующей практики началось в середине 2000-х гг.

Институт ответственности контролирующих должника лиц при банкротстве в настоящее время является стремительно развивающимся, что обусловлено намерениями законодателя защитить добросовестных участников гражданского оборота от недобросовестных действий лиц, которые прямо или опосредовано имеют контроль над должником. В 2009 г. в Федеральном законе от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее - закон о банкротстве) появляется понятие «контролирующее должника лицо» [5].

В отечественной литературе субсидиарная ответственность за доведение должника до банкротства нередко рассматривается как аналог зарубежной доктрины «снятие корпоративной вуали» или, как ее еще называют, доктрина «срывания корпоративных покровов».

В 2013 г. была проведена реформа института субсидиарной ответственности, в результате которой законодательно был закреплен ряд правовых презумпций, призванных упростить процесс доказывания при рассмотрении споров о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности. Кроме этого, немаловажным было закрепление возможности еще до завершения расчетов с кредиторами установить вину контролирующих лиц посредством промежуточного судебного акта, тогда как вопрос о размере таковой ответственности определить позднее на последующих этапах рассмотрения дела о банкротстве.

На институт субсидиарной ответственности помимо изменений, непосредственно внесенных в закон о банкротстве, повлияло реформирование гл. 4 ч. 1 ГК РФ в рамках Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации в 2013–2014 гг.

Актуальность темы исследования также проявляется в том, что как на законодательном уровне, так и в отечественной литературе, принимаются различные попытки в поиске решений, направленных на совершенствование действующего законодательства, нацеленные на защиту имущественных прав кредиторов, с условием соблюдения баланса интересов лиц, участвующих в деле о банкротстве.

Степень разработанности темы. Институт субсидиарной ответственности начал развиваться только в конце 20 века, в силу чего имеется не так много работ, направленных на исследование данного института, особенно в условиях постоянного его совершенствования.

Изучению вопросов субсидиарной ответственности в рамках дела о банкротстве посвящены современные работы А.В. Егорова, С.А. Карелиной, И.А. Клепицкого, М.В. Телюкиной, И.С. Шиткиной, О. Р. Зайцева, Р. Т. Мифтахутдинова, И. Ю. Рыкова, В. А. Канашевского, Е. Д. Суворова и др.

Вследствие проводимых законодателем реформ Гражданского кодекса Российской Федерации и законодательства о несостоятельности, большинство работ, написанных до реализованных в настоящее время изменений, отчасти имеют неактуальный характер в связи с утратой силы определенных положений закона и изменением правоприменительной практики.

Целью диссертационного исследования является изучение теоретических основ субсидиарной ответственности и ее практическое применение. Для достижения указанной цели необходимо исследовать и решить следующие задачи:

- проследить историю развития института субсидиарной ответственности контролирующих несостоятельного должника лиц ввиду невозможности полного удовлетворения требования кредиторов;
- определить цели, способствующие развитию данного института, его направленность в системе действующего законодательства;
- рассмотреть основания привлечения к субсидиарной ответственности по долгам должника – юридического лица;

– определить тенденции правового регулирования данного института.

Объектом исследования выступают общественные отношения, которые возникают между лицами участвующими в деле, а именно между кредиторами и должником, его контролирующими лицами, а также отношения, связанные с защитой имущественных прав кредиторов должника.

Предметом исследования являются нормы, регулирующие институт субсидиарной ответственности, складывающаяся правоприменительная практика в данной сфере, научные труды, посвященные развитию и совершенствованию этого института и правоприменительной практики.

Предмет исследования ограничен задачей, связанной с поиском баланса интересов между критериями субсидиарной ответственности за доведение должника до банкротства, имущественными правами кредиторов и интересами контролирующих должника лиц, справедливого и разумного правового регулирования гражданской ответственности за причинение вреда кредиторам должника.

Методологическую основу диссертационного исследования составляет совокупность общенаучных и специальных методов и приемов познания правовых явлений. В рамках исследования были использованы методы анализа и синтеза, методы историко-правового, системно-структурного, сравнительно-правового анализов, для того чтобы обеспечить объективность, единство рассматриваемого явления и его всесторонность.

Теоретическую основу исследования составили труды российских ученых, опубликованные во второй половине XX в., в том числе работы С.Н. Братуся, В.В. Витрянского, С.С. Алексеева, М.И. Брагинского, Садикова, А.П. , В.П. Грибанова, В.К. Егорова, Р.О. Халфиной, О.С. Иоффе, М.И. Кулагина, В.В. Степанова , В.Ф. Попондопуло, Е.А. Суханова, В.Н. Ткачева, Ю.К. Толстого, и современные исследования А.В. Егорова, Е. Д. Суворова, С.А. Карелиной, О. Р. Зайцева, И.А. Клепицкого, Р. Т. Мифтахутдинова, И.С. Шиткиной.

Нормативную базу исследования составили Конституция Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации, законы об отдельных видах юридических лиц, закон о банкротстве, нормы зарубежного законодательства, подзаконные нормативные акты, а также нормы, регулирующие вопросы несостоятельности, содержащиеся в иных законодательных актах.

Эмпирическую основу исследования составили результаты анализа правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (ВАС РФ) и Верховного Суда Российской Федерации (ВС РФ), касающиеся ответственности контролирующих лиц, судебная практика, статистические данные.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что институт субсидиарной ответственности в сфере несостоятельности (банкротства) в настоящее время недостаточно исследован, действующее законодательство имеет множество противоречий, пробелов, которые необходимо устранять, тогда как в настоящей диссертации исследованы теоретические основы данного института, проблемы правоприменительной практики и правового регулирования в целом.

В результате анализа научных доктрин и трудов отечественных правоведов, определена теоретическая основа, концепция субсидиарной ответственности, её соотношение с институтом убытков и иными видами ответственности.

Теоретическая значимость результатов исследования заключается в изучении и анализе института субсидиарной ответственности за невозможность полного погашения требований кредиторов при несостоятельности юридического лица, в разработке мер, направленных на совершенствование действующего законодательства и судебной практики, исследовании причин, способствующих все более частому привлечению контролирующих лиц к субсидиарной ответственности.

Практическая значимость исследования состоит в том, что выработанные предложения, концепции могут быть использованы в правоприменительной практике, дальнейшего изучения и разработке теоретических положений, направленных на совершенствования законодательства о несостоятельности.

Положения, выносимые на защиту:

1. Рассмотрение споров о привлечении к субсидиарной ответственности сопряжено с исследованием действий менеджмента несостоятельного должника на предмет разумности, добросовестности, экономической целесообразности.

Осуществление коммерческой деятельности опосредовано множественностью принимаемых управленческих решений, заключаемых сделок, которые непосредственно отражаются на имущественном положении должника и, опосредованно, на его кредиторах.

В связи с особой сложностью споров о привлечении к субсидиарной ответственности особое значение необходимо уделять мнению бизнес сообщества относительно совершенных контролирующим лицом действий, которые, по мнению участников дела о банкротстве, привели к несостоятельности должника.

В этой связи предлагается убрать ранее установленный запрет на участие арбитражных заседателей при рассмотрении дела о банкротстве, привлечение которых позволит компенсировать отсутствие практического опыта у судей в ведении бизнеса.

2. В большинстве случаев подаче заявления о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности предшествует множество совершаемых участниками дела о банкротстве юридически значимых действий, рассматриваемых обособленных споров (о включении в реестр требований кредиторов должника, оспаривание сделок, инвентаризация имущества и т.д.), которые в конечном итоге влияют на формирование конкурсной массы должника, и, соответственно, размер потенциальной субсидиарной ответственности контролирующих лиц.

Отсутствие в действующем законодательстве закрепленных прав контролирующих лиц приводит к тому, что к моменту подачи заявления о привлечении к субсидиарной ответственности осуществлено множество юридически значимых действий, принято множество судебных актов, которые напрямую влияют на исход рассмотрения поданного заявления, и с которыми привлекаемому лицу тяжело «конкурировать».

Таким образом, в действующем законе о банкротстве необходимо определить и закрепить права контролирующих должника лиц, в обязательном порядке к которым отнести:

- 1) право обжаловать действия внешнего (конкурсного) управляющего;
- 2) принимать участие в рассмотрении заявлений о включении в реестр требований кредиторов должника, обжаловать судебные акты по итогам их рассмотрения;
- 3) принимать участие в рассмотрении заявлений о признании сделок должника недействительными, обжаловать судебные акты по итогам их рассмотрения;
- 4) участвовать в иных обособленных спорах, которые влияют на имущественное положение должника, формирование конкурсной массы.

3. Согласно действующему законодательству и сложившейся судебной практике институт субсидиарной ответственности является разновидностью деликтной ответственности.

Определение применяемой ответственности (убытки или субсидиарной ответственности) находится в компетенции суда, тогда как последствия данного применения являются существенными.

Действующее законодательство не содержит какого-либо разграничения убытков и субсидиарной ответственности, данное разграничение нашло свое отражение в судебной практике, разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации.

В связи с этим предлагается законодательно закрепить разграничение убытков и субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц,

определить четкие критерии, при наступлении которых применяется институт субсидиарной ответственности.

ГЛАВА 1. ГРАЖДАНСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА БАНКРОТСТВО

§1. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РОССИИ

По долгам несостоятельного лица по общему правилу отвечает только сам должник, что вытекает из понятия лица в гражданском праве и имущественной обособленности каждого из таких субъектов. Согласно пункту 1 статьи 2 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) [9] гражданское законодательство регулирует имущественные и личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников.

Из вышеизложенного следует, что кредиторы должника могут иметь притязания только на его имущественную (конкурсную) массу, не вовлекая имущество иных лиц.

Однако из принципа имущественной самостоятельности имеется исключение, в частности, в исключительных случаях кредиторы дополнительно к имущественной массе должника получают право претендовать на имущественную массу иных лиц: эти случаи объединены под тематикой субсидиарной ответственности в деле о банкротстве.

Первой попыткой нормативного регулирования отношений в сфере банкротства стал Закон РФ от 19 ноября 1992 г. N 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» [5], который действовал до 1 марта 1998 г. Однако этот Закон вообще не содержал в себе такого понятия, как «субсидиарная ответственность».

Впервые субсидиарная ответственность нашла свое отражение 1 января 1995 г. в пункте 3 статьи 56 ГК РФ, где было указано, что если невозможность полного погашения требований кредиторов обусловлена действиями лиц, которые имеют возможность влиять на принимаемые юридическим лицом

решения, заключаемые сделки, то на таких лиц может быть возложена субсидиарная ответственность по обязательствам должника.

В последующем, 1 января 1996 г. аналогичная норма была закреплена в пункте 3 статьи 3 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. N 208-ФЗ «Об акционерных обществах» [3] и чуть позднее такое же положение закрепилось в Федеральном законе от 8 февраля 1998 г. N 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [6].

Следующий этап развития института субсидиарной ответственности наступил в связи с принятием Федерального закона от 8 января 1998 г. N 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», который заменил Закон РФ от 19 ноября 1992 г. N 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий».

В результате принятия данного закона появилось новое основание для возложения обязательств несостоятельного должника на контролирующих лиц – неисполнение или несвоевременное исполнение несостоятельным юридическим лицом обязанности по обращению в арбитражный суд с заявлением о несостоятельности (банкротстве). Кроме того, закон расширил перечень лиц, которые могут быть привлечены к ответственности по долгам должника, а именно должностью руководитель организации.

Однако принятие всех вышеуказанных законов не оказало какого-либо влияния на случаи привлечения к субсидиарной ответственности по той простой причине, что правом на подачу заявления о привлечении к субсидиарной ответственности обладал только конкурсный управляющий, который обязан был доказать, что контролирующие должника лица принимали те или иные решения, с заведомым умыслом доведения компании до банкротства, иными словами, необходимо было доказать фиктивное или преднамеренное банкротство. Поэтому в преобладающем большинстве случаев суды отказывали в привлечении к субсидиарной ответственности.

26 октября 2002 г. вступил в силу новый Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и который действует по сей день.

Однако в первоначальной редакции закона нормы о субсидиарной ответственности практически не претерпели каких-либо изменений.

Одним из «переломных» законов в сфере субсидиарной ответственности является федеральный закон от 28 апреля 2009 г. N 73-ФЗ, вступивший в силу 5 июня 2009 г., которым были введены новые основания для возложения ответственности, принципы доказывания вины контролирующих лиц, детализировал процессуальную сторону механизма субсидиарной ответственности.

Данный закон ввел понятие контролирующего должника лица, к которому относилось любое лицо, которое в пределах двух лет до принятия судом заявления о признании должника банкротом имело право давать обязательные для организации указания или иным образом влиять на принимаемые от имени организации решения.

Иными словами был расширен перечень лиц, на которых возможно было возложить субсидиарную ответственность, если ранее к ним относились только учредители и руководители должника, то после принятия данного закона, сюда относились лица, действующие по доверенности и заключающие сделки, ликвидаторы, и даже лица, которые юридически каким-либо образом не были связаны с должником, но фактически оказывали влияние на его деятельность, принимаемые управленческие решения.

Появилась возможность предъявлять требования к нескольким лицам и возлагать солидарную ответственность в случае их обоюдной вины доведения компании до банкротства.

Одним из новых оснований привлечения к субсидиарной ответственности стало отсутствие документов бухгалтерского учета, их искажение или неполнота отражения хозяйственных фактов жизни организации.

Однако принятие указанного закона все же не помогло изменить судебную практику по вопросу привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц.

Вместе с тем, по прошествии определенного времени, выявились недостатки принятого закона от 28 апреля 2009 г.

Во-первых, сформированная презумпция виновности контролирующего должника лица выглядела как «намек», а не прямое указание.

Во-вторых, отсутствие документов бухгалтерского учета позволяло привлекать к субсидиарной ответственности независимо от того, привело ли отсутствие документов к отрицательным последствиям, например, сформировать конкурсную массу.

Исправление всех этих ошибок было заложено в Федеральном законе от 28 июня 2013 г. N 134-ФЗ, который внес ряд принципиальных поправок:

1. определены презумпции ответственности контролирующих должника лиц за доведение до банкротства.

2. введено основание для освобождения от субсидиарной ответственности в случае подтверждения контролирующим должника лицом его добросовестности и разумности при исполнении возложенных на него организацией обязанностей.

3. для возложения субсидиарной ответственности за отсутствие или неполноту бухгалтерских документов введен квалифицирующий признак как наступление отрицательных последствий.

4. определен срок исковой давности для обращения с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности. В данной части было установлено 2 срока исковой давности – субъективный и объективный. Субъективный срок составлял 1 год и начинал исчисляться с момента осведомленности заявителя о наличии основания для возложения соответствующей ответственности, а объективный срок исковой давности составлял 3 года и начинал исчисляться со дня признания должника банкротом.

Принятие указанных поправок привело к увеличению положительной практики привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности, но суды все же продолжили осторожно применять механизм субсидиарной ответственности.

Заключительный этап реформирования института субсидиарной ответственности относится к 2016-2017 гг.

С момента внесения последних поправок в 2013 г., касающихся субсидиарной ответственности, сформировалась значительная судебная практика, опыт применения субсидиарной ответственности, что повлекло необходимость внесения соответствующих изменений непосредственно в закон о банкротстве.

23 июня 2016 года был введен абзац 5 статьи 10 Закона о банкротстве, который предусматривал презумпцию доведения до банкротства, в случае если 50% от 3-ей очереди реестр требований кредиторов должника составляют требования уполномоченного органа за совершенные административные, уголовные, налоговые правонарушения.

Указанное основание позволило бороться с недобросовестными учредителями, которые бросали фирму с налоговой задолженностью и открывали новую, а денежных средств на финансирование указанной процедуры банкротства не имелось.

В целом, указанная презумпция была ориентирована на налоговые органы, которые до введения данного положения оставались ни с чем в результате несостоятельности (банкротства) юридического лица.

В конце 2016 г. был принят Федеральный закон от 28 декабря 2016 г. № 488-ФЗ, который упростил жизнь налоговым органам и кредиторам.

В частности, закон предусматривал следующие новеллы:

1) кредитор вправе был подать заявление о привлечении к субсидиарной ответственности в случае отсутствия у юридического лица денежных средств на финансирование процедуры банкротства и суд отказал в возбуждении дела о несостоятельности (банкротстве) по указанному основанию;

2) привлечение к субсидиарной ответственности стало возможным и после завершения дела о банкротстве, в том случае, если соответствующий кредитор не знал о том, что есть основания для субсидиарной ответственности при рассмотрении дела о банкротстве.

3) изменилась процедура привлечения к субсидиарной ответственности в связи с тем, что у судов отсутствовала необходимость ждать завершения формирования конкурсной массы и расчетов с кредиторами и соответственно определения точного размера субсидиарной ответственности. Теперь же суд был вправе вынести определение о наличии основания для привлечения к субсидиарной ответственности без указаний суммы, а точный размер определить в последующем после окончательного формирования конкурсной массы.

С выходом Федерального закона от 29 июля 2017 г. N 266-ФЗ произошли существенные изменения в институте субсидиарной ответственности.

Статья 10 Закона о банкротстве была заменена целой главой III.2 «Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве».

Понятию контролирующего должника лица теперь была посвящена целая статья 61.10 Закона о банкротстве, вместо одного абзаца в статье 2 Закона о банкротстве.

По указанным изменениям можно судить о том, насколько законодатель подошел к вопросу субсидиарной ответственности контролирующих Должника лиц. Изменения коснулись детализации оснований для привлечения к субсидиарной ответственности, появились новые основания, процедуры привлечения к ответственности, введены новые презумпции, когда лицо считается контролирующим.

Были введены презумпции, когда контролирующее лицо считается виновным в доведении компании до банкротства:

1) непринятие должных мер по обеспечению сохранности и достоверности бухгалтерской документации, корпоративных документов компании.

2) лицо не вносило или вносило недостоверные сведения в единый государственный реестр юридических лиц, а также в федеральный реестр фактов о деятельности юридических лиц (ЕФРСФДЮЛ).

Подать заявление о привлечении к субсидиарной ответственности теперь стало возможным на любой стадии банкротства.

Указанным законом было введено понятие номинального директора, который до этого носил лишь неофициальный характер.

За неподачу (несвоевременную) подачу заявления о несостоятельности (банкротстве) теперь стало возможным привлекать учредителей компании, а не только ее руководителя.

Также было изменено бремя доказывания того, что неподача заявления должника не повлекла невозможность удовлетворения требований кредиторов, теперь это должен доказать ответчик.

Был введен новый механизм распоряжения требованием к субсидиарному ответчику, то есть теперь у кредиторов появилась возможность решить, как распорядиться с удовлетворенным требованием к контролирующему должника лицу:

- 1) взыскивать деньги в процедуре банкротства;
- 2) продать право требования на торгах;
- 3) переуступить право требования с Должника на кредитора.

По результатам внесенных изменений было принято Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 N 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» (далее – Постановление № 53) [12].

Указанное Постановление № 53 содержит немаловажные разъяснения положений, которые были внесены Законом N 266-ФЗ, и которые в настоящее время часто применяются судами при рассмотрении заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности. Таким образом, формирование качественного института субсидиарной ответственности в Российской Федерации заняло продолжительное время, с 1995 года до 2017 года.

Развитием института субсидиарной ответственности законодатель стимулирует контролирующих должника лиц на честное, добросовестное и разумное ведение бизнеса в современных реалиях, дает защиту кредиторам

должника, что не может, в конечном счете, не сказаться на экономике страны в целом.

§2. РАЗГРАНИЧЕНИЕ ДЕЛИКТНОЙ И СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Юридические лица в российском законодательстве являются самостоятельными субъектами права, что обусловлено одним из главных принципов в сфере регулирования деятельности юридических лиц – принципом ограниченной ответственности юридического лица, согласно которому юридическое лицо не несет ответственности по долгам иных лиц, в том числе своих участников (учредителей). Юридическое лицо не отвечает по долгам учредителей (участников), равно как и участники (учредители), по общему правилу, не несут ответственности по долгам компании.

Институт юридического лица рожден потребностями гражданского оборота и наряду с техническими достижениями обеспечил стремительное экономическое развитие цивилизации [Егоров, Усачева, с. 132].

Стремительное развитие указанного института обусловлено тем, что правовая конструкция юридического лица позволяет переложить предпринимательский риск в виде возможных имущественных потерь непосредственно на само юридическое лицо, что, в свою очередь, достигается обособлением имущества юридического лица от имущества его участников (учредителей). Иными словами, конструкция юридического лица базируется на принципах имущественной обособленности, автономии воли юридического лица, ограниченной ответственности.

Ограничение ответственности способствует снижению рисков инвесторов и, как следствие, вовлечению средств населения в экономику страны [Рыков, с. 1].

Вместе с тем, одним из главных принципов гражданского права является восстановление нарушенных прав потерпевшего.

В связи с этим в доктрине и практике выработаны исключения из общего правила ограниченной ответственности юридического лица.

Случаи, когда контролирующее должника лицо несет ответственность по долгам юридического лица в доктрине, в российской и зарубежной практике, получили название «снятие корпоративной вуали» или «прокалывание корпоративной вуали».

Нередко, контролирующие юридическое лицо субъекты используют конструкцию юридического лица как защиту от личных имущественных потерь.

Вместе с тем, когда действия контролирующих юридического лица субъектов выходят за рамки добросовестности и разумности, а конструкция юридического лица используется для противоправных действий, мошенничества, ухода от уплаты налогов и так далее, считается, что юридическое лицо не обладает самостоятельностью, а является «продолжением» своих участников.

Создавая юридическое лицо лишь для вида, с целью уклонения реальных выгодоприобретателей от имущественной ответственности, последние тем самым прикрывают «корпоративной вуалью» свою личную имущественную ответственность за совершенные через юридическое лицо действия.

Доктрина «снятия корпоративной вуали» возникла в XX в. в американской судебной практике, суть которой заключается в том, что в целях защиты добросовестных кредиторов юридического лица-должника при определенных обстоятельствах принцип ограниченной ответственности игнорируется, а причиненные убытки взыскиваются с реальных владельцев бизнеса, или по-другому, конечных бенефициаров.

В отечественной доктрине и практике имеется нерешенный вопрос, является ли субсидиарная ответственность самостоятельной ответственностью, дополнительной или является разновидностью деликтной ответственности.

Представляется, для того, чтобы ответить на указанный вопрос, необходимо проанализировать заложенные законодателем юридические конструкции деликтной и субсидиарной ответственности.

Вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред (п. 1 ст. 1064 ГК РФ).

Обязательства вследствие причинения вреда в доктрине традиционно именуется деликтными обязательствами (от лат. *delictum* - правонарушение). Деликтное обязательство тождественно понятию деликтной ответственности.

Традиционными условиями возникновения деликтных обязательств являются:

- 1) причинение вреда лицу и (или) его имуществу;
- 2) противоправность причинителя вреда
- 3) наличие причинно-следственной связи между действиями лица и наступившими неблагоприятными последствиями.

Отсутствие одного из элементов влечет невозможность взыскания убытков.

Из вышеуказанного видно, что одним из элементов деликтной ответственности является причинение вреда лицу и (или) его имуществу, которое может выражаться в действии или бездействии.

В связи с этим, неотъемлемой частью данного элемента является определение момента причинения вреда, что обуславливает определение момента возникновения деликтного обязательства.

Невозможность определения момента причинения вреда нивелирует возникновение деликтного обязательства в целом.

Пунктом 2 Постановления № 53 определено при привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности субсидиарно по отношению к нормам закона о банкротстве подлежат применению общие положения глав 25 и 59 ГК РФ, то есть Верховный Суд РФ исходит из деликтной природы субсидиарной ответственности.

В основе субсидиарной ответственности за невозможность полного погашения требований кредиторов лежат неправомерные действия контролирующих должника лиц, которые могут выражаться в совершении сделок, которые причиняют вред кредиторам, утраты или искажении бухгалтерских документов, которые были необходимы для формирования конкурсной массы, возникновении долгов в связи с совершением налоговых, административных, уголовных правонарушений.

При попытке соотнести традиционную деликтную ответственность с субсидиарной, которая находит свое детальное отражение в законе о банкротстве, выявляется ряд противоречий, которые не позволяют сделать однозначный ответ о том, что субсидиарная ответственность является разновидностью деликтной.

Различия правовой природы деликтной и субсидиарной ответственности также отмечает Суворов Е. Д. [Суворов, с. 42]

Допустим, что субсидиарная ответственность является разновидностью деликтной ответственности, следовательно, для ее применения необходимо соблюдение всех условий ее возникновения: наличие вреда, противоправности действий причинителя вреда, причинно-следственной связи.

Предположим, что при доведении компании до банкротства под вредом понимается ущемление имущественных прав кредиторов при недостаточности имущества несостоятельного должника и невозможности удовлетворения требований кредиторов в полном объеме в силу названной причины.

Однако в данном случае становится неопределенным момент, когда происходит данное нарушение имущественных прав кредиторов: в момент появления такого кредитора, в момент совершения действий, которые уменьшают имущественную массу должника – юридического лица, либо же в момент завершения расчетов с кредиторами по результатам проведенной процедуры и определения конечного размера неудовлетворенных требований кредиторов должника.

Вред и его размер должны быть предвидимыми. Однако, без процедуры банкротства, окончательного формирования конкурсной массы и определения количества кредиторов должника, а, следовательно, определения размера непогашенных требования, невозможно определить момент нарушения прав кредиторов.

Кроме того, при деликтной ответственности должно быть лицо, которому причинен вред, т.е. потерпевший.

В силу специфики отношений несостоятельности в рассматриваемом случае к указанным лицам могут быть отнесены кредиторы должника и сам должник.

Закон о банкротстве устанавливает субсидиарную ответственность за невозможность погашения требований кредиторов, т.е. конечным приобретателем по требованию о привлечении контролирующих должника лиц является кредитор(-ы) должника.

Таким образом, относя к потерпевшим кредиторов должника, необходимо ответить на закономерный вопрос о том, кто именно относится к указанным кредиторам: существующие на момент совершения противоправных действий или же которые возникнут к моменту расчетов с кредиторами.

Если предположить, что таковыми являются кредиторы на момент совершения противоправных действий, то применение субсидиарной ответственности по требованиям иных кредиторов, которые возникли после совершения указанных действий, становится невозможным, тогда как требования кредиторов, которые существовали на момент совершения противоправных действий, могут быть погашены по итогам процедуры.

Иными словами, возникает ситуация, когда в целом неправомерные действия контролирующих лиц повлекли недостаточность имущества, которые в свою очередь сделали невозможным расчеты с кредиторами, обязательства с которыми возникли после совершения указанных действий. Подобное применение субсидиарной ответственности фактически приводило бы к

невозможности защиты независимых и добросовестных кредиторов от недобросовестных и неразумных действий контролирующих должника лиц.

Если же относить к потерпевшим кредиторов, требования которых остались непогашенными по итогам формирования конкурсной массы и расчетов, то тогда, применяя конструкцию деликтной ответственности, непосредственно противоправные действия, которые повлекли невозможность удовлетворения требований кредиторов, будут совершаться ранее, чем появится лицо, которому указанными действиями причинен вред. В такой ситуации на момент совершения противоправных действий отсутствовал бы один из обязательных элементов деликтной ответственности, как причинение вреда лицу и (или) его имуществу, т.е. отсутствовал потерпевший.

Таким образом, вышеуказанное не позволяет в теории сделать вывод о том, что субсидиарная ответственность является по своей правовой природе деликтной ответственностью или ее разновидностью, т.к. на момент совершения противоправных действий контролирующими лицами фактически отсутствует вред, его размер, фигура потерпевшего, а также причинно-следственная связь.

Однако на практике, согласно правовым позициям Верховного Суда РФ, заявление о привлечении к субсидиарной ответственности в рамках дела о банкротстве является групповым косвенным иском, который объединяет в себе требования правового сообщества должника к контролирующим лицам, цель которого компенсация последствий их неправомερных действий, которые привели к невозможности полного погашения требований кредиторов должника.

Выделение института субсидиарной ответственности позволяет стандартизировать и упростить процесс доказывания по данным спорам, а также позволяет выделить особенность данного института – порядок определения размера ответственности виновного лица.

При наличии подобных различий остается неизменной генеральная идея данных видов ответственности – возмещение вреда.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации исходит из взаимозаменяемого и взаимодополняемого характера рядового требования о возмещении убытков и требования о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности.

Определение применяемой ответственности (убытки или субсидиарной ответственности) находится в зависимости от того, довело ли контролирующее лицо своими действиями юридическое лицо до несостоятельности (банкротства) или нет.

Иными словами, данные виды ответственности носят по отношению друг к другу зачетный характер.

Фактически определение данного обстоятельства зависит от усмотрения суда, его внутреннего убеждения и восприятия действий контролирующих лиц в масштабе деятельности должника.

Однако последствия данного применения являются существенными, так как субсидиарная ответственность не погашается даже в случае завершения процедуры банкротства соответствующего контролирующего лица.

Полагаем закрепленный критерий разграничения двух вышеуказанных видов ответственности абстрактным, размытым, что может породить противоречие в судебной практике при его применении.

Наступлению банкротства предшествует множество различных факторов, как объективных внешних, так и внутренних, к которым, в том числе, относятся действия контролирующих лиц, в связи с этим, в этой совокупности факторов иногда достаточно трудно установить тот, который повлек банкротство должника.

В связи с этим предлагается законодательно закрепить разграничение убытков и субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, определить четкие критерии, при наступлении которых применяется субсидиарная ответственность, к которым можно отнести следующее:

- контролирующие лица допускали смешение имущества должника со своим имуществом, пользовались имуществом должника как своим, то есть пренебрегали принципом имущественной обособленности юридического лица;
- нарушение контролирующим лицом установленных в компании процедур при принятии значимых для компании решений, например, согласование крупной сделки или сделки с заинтересованностью;
- злоупотребление формой юридического лица, принципом ограниченной ответственности в своих личных интересах

Помимо вышеуказанных качественных критериев, необходимо ввести количественный критерий, а именно причинение должнику ущерба в размере 25 и более процентов балансовой стоимости активов общества.

Полагаем, данный количественный критерий в полной мере согласуется с разъяснениями пункта 19 Постановления № 53, согласно которому лицо подлежит привлечению к субсидиарной ответственности не только за непосредственное доведение должника до банкротства, но и за создание ситуации существенного ухудшения финансового состояния должника.

§3. ВИДЫ СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ДОЛЖНИКА ЛИЦ В РАМКАХ ДЕЛА О БАНКРОТСТВЕ

Первым видом ответственности является субсидиарная ответственность за доведение до банкротства, которая регламентирована в статье 61.11 Закона о банкротстве. Указанная статья вводит ряд правовых презумпций, которые определяют юридические факты, при наличии которых презюмируется наличие вины контролирующих должника лиц. При введении указанных презумпций законодатель преследовал цель облегчить процесс доказывания заявителям, обратившимся с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности, тем самым перекладывая бремя доказывания на привлекаемое лицо.

Всего законодателем введено пять правовых презумпций:

1. совершение, одобрение контролирующим лицом сделок, которые причиняют существенный вред правам кредиторов, в том числе сделки, которые относятся к оспоримым в соответствии со статьями 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве.

2. утрата или искажение бухгалтерских документов, которое привело к существенному затруднению проведения процедур, применяемых в рамках дела о банкротстве.

Затруднительность проведения процедур может проявляться в следующих аспектах: невозможность выявления активов должника, его контрагентов, невозможность проведения анализа совершенных сделок должника ввиду отсутствия документации и иные факторы, которые так или иначе повлияли на процесс формирования конкурсной массы должника. Ключевым аспектом в данном случае является именно отсутствие тех или иных документов, которое повлекло невозможность пополнения имущественной массы должника. Обязанность доказывания причинно-следственной связи между отсутствием документов и наступившими последствиями лежит на заявителе.

3. привлечение должника к налоговой, административной, уголовной ответственности. Для применения указанной презумпции доведения до банкротства необходимо соблюдение двух условий: наличие вступившего решения о привлечении должника к административной, уголовной, налоговой ответственности и задолженность, которая возникла в результате совершения этих правонарушений или была выявлена в ходе производства по делам об этих правонарушениях, составляет более 50% требований кредиторов третьей очереди.

4. утрата или искажение учредительных и иных корпоративных документов компании, которые должник обязан хранить в силу закона. Например, данный перечень содержится в статье 50 Федерального закона от 08.02.1998 N 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» и статьях 89, 91 Федерального закона от 26.12.1995 N 208-ФЗ «Об акционерных

обществах». Однако, для применения презумпции доведения до банкротства, необходимо доказать, что это, как и с бухгалтерскими документами, повлекло существенное затруднение проведения процедур, применяемых в деле о банкротстве.

5. на дату возбуждения дела о банкротстве не внесены подлежащие обязательному внесению в соответствии с федеральным законом сведения либо внесены недостоверные сведения о юридическом лице. К таким сведениям относится информация о признаках недостаточности имущества, о лицензиях, о введении процедуры банкротства, о размере уставного капитала, о результатах обязательного аудита и т.д.

Второе самостоятельное основание для привлечения к субсидиарной ответственности, предусмотренное статьей 61.12 Закона о банкротстве - неисполнение обязанности по подаче заявления должника в арбитражный суд (созыву заседания для принятия решения об обращении в арбитражный суд с заявлением должника или принятию такого решения) в случаях и в срок, которые установлены статьей 9 Закона о банкротстве.

Фактически правовая природа субсидиарной ответственности по данному основанию сводится к нарушению контролирующими должника лицами информационной обязанности по информированию кредиторов о финансовом положении должника, которые, заблуждаясь в его платежеспособности, вступали в обязательственные отношения, и которые, в конечном итоге, должником не были исполнены или исполнены частично, что привело к нарушению имущественных прав кредиторов.

Иными словами, наличие указанного основания для привлечения к субсидиарной ответственности стимулирует контролирующих должника лиц не умалчивать о проблемах должника перед вступлением в новые обязательства.

Руководитель и конечные бенефициары как бы берут на себя риск введения кредитора в заблуждение: теперь они отвечают перед ним, так как не раскрыли имеющую для него значение информацию [Иванова, Земляков, с. 109].

ГЛАВА 2. СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ДОВЕДЕНИЕ ДОЛЖНИКА ДО БАНКРОТСТВА

§1. ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДОВЕДЕНИЕ ДО БАНКРОТСТВА

Субсидиарная ответственность является одним из видов гражданско-правовой ответственности за гражданское правонарушение.

Понятие состава гражданского правонарушения родственно понятию состава уголовного преступления, под которым понимается совокупность предусмотренных законом элементов, необходимых для наступления гражданско-правовой ответственности.

В состав гражданского правонарушения входят следующие элементы:

- 1) противоправное действие (бездействие);
- 2) вред, причиненный потерпевшему;
- 3) причинно-следственная связь между действием (бездействием) и наступившими последствиями
- 4) вина правонарушителя

Противоправное действие (бездействие) является объективной характеристикой поведения нарушителя, которое может выражаться в нарушении норм действующего законодательства, условий принятых на себя обязательств в рамках договорных отношений, а также в нарушении субъективных прав других лиц.

Вред, как элемент состава гражданского правонарушения, определяет наступившие последствия гражданского правонарушения.

В гражданских правоотношениях, по сути является не важным, нарушены имущественные или личные неимущественные права, размер вреда в конечном итоге выражается в денежной сумме.

Причинно-следственная связь является неотъемлемым и связующим элементом между противоправным действием (бездействием) и причиненным вредом.

Вина правонарушителя отражает внутреннее отношение лица к своим действиям (бездействию) и наступившим последствиям. Форма вины в гражданских правоотношениях не влияет на возможность привлечения лица к гражданско-правовой ответственности

Однако, данный элемент состава гражданского правонарушения не во всех случаях является обязательным для привлечения лица к гражданско-правовой ответственности.

Например, это относится к отношениям, возникающим в предпринимательской деятельности. Пунктом 3 статьи 401 ГК РФ предусматривается одно лишь основание для освобождения лица от ответственности – непреодолимая сила.

Выше приведен состав гражданского правонарушения, который обычно выделяется цивилистами и относительно вышеуказанных элементов отсутствуют какие-либо серьезные разногласия в теории гражданского права.

Однако, данный состав «визуально» существенно отличается от состава преступления, используемого в теории уголовного права, где выделяются следующие элементы состава правонарушения: субъект, объект, объективная сторона, субъективная сторона.

Есть ряд мнений, указывающих на то, что не нужно смешивать уголовное право с гражданским и осуществлять рецепцию понятий и элементов из теории уголовного права [Мозолин, с. 34].

Однако, несмотря на визуальное различие составов гражданского и уголовного правонарушения, с данной позицией нельзя согласиться.

Гражданско-правовая ответственность является разновидностью юридической ответственности, необходимым условием которой является наличие состава правонарушения, о чем указывал Конституционный Суд РФ в Постановлении от 27.04.2001 № 7-П [11].

Таким образом, полагаем, что отсутствуют какие-либо доктринальные и законодательные препятствия для проецирования традиционного состава правонарушения из уголовного права на гражданские отношения, т.е.

выделение следующих элементов гражданского правонарушения: субъект, субъективная сторона (вина правонарушителя), объект (нарушенное правоотношение), объективная сторона (противоправность, вред и причинная связь).

Под объектом правонарушения понимаются регулируемые и охраняемые правом общественные отношения, которым правонарушение причиняет вред или создается угроза причинения такового.

Объектом субсидиарной ответственности можно выделить правоохранительные отношения, связанные с защитой имущественных прав кредиторов и уполномоченных органов несостоятельного должника.

Институт субсидиарной ответственности направлен на защиту имущественных интересов кредиторов несостоятельного юридического лица.

Вместе с тем, необходимо отметить, что субсидиарная ответственность является исключительной мерой имущественной ответственности контролирующих Должника лиц и наступает лишь в случаях, когда данными лицами конструкция юридического лица используется в качестве противоправных действий, происходит злоупотребление основополагающим принципом ограниченной ответственности и подмена интересов юридического лица личными интересами контролирующих должника лицами.

Нарушая нормы права, которые регламентируют имущественную обособленность и самостоятельность юридического лица в гражданском обороте, использование имущества в противоречие с интересами самого юридического лица является посягательством на отношения, связанные с защитой имущественных прав кредиторов и уполномоченных органов несостоятельного должника, то есть на объект субсидиарной ответственности.

Предметом субсидиарной ответственности является объект гражданских прав, воздействуя на который причиняется вред общественным отношениям. Перечень объектов гражданских прав закреплен в статье 128 ГК РФ.

Иными словами, предметом субсидиарной ответственности за невозможность полного погашения требований кредиторов является имущество юридического лица.

Законом о банкротстве сформировано понятие конкурсной массы, под которой понимается имущество Должника, имеющееся на дату открытия конкурсного производства и выявленное в ходе конкурсного производства

С первого взгляда может показаться то, что предметом субсидиарной ответственности является конкурсная масса Должника.

Вместе с тем, по мнению автора, предметом субсидиарной ответственности является именно имущество Должника на момент совершения контролирующими лицами противоправных действий, не отвечающим интересам юридического лица.

Представляется, что отождествление имущества Должника с конкурсной массой Должника при определении предмета субсидиарной ответственности за доведение до банкротства является юридически неверным, так как во-первых, на момент совершения противоправных действий процедуры банкротства не имеется, следовательно, нет и понятия конкурсной массы, а во-вторых, объем имущества, на момент совершения противоправных действий, и объем конкурсной массы, сформированной по итогам процедуры, может не совпадать.

Данное несоответствие обусловлено тем, что в случаях доведения компании до банкротства и невозможности полного погашения требований кредиторов, этому предшествуют неправомерные действия контролирующих должника лиц, направленные на сознательное уменьшение имущественной массы должника в целях воспрепятствования кредиторам обращения на него взыскания, и обращение данного имущества в собственность контролирующих Должника лиц или аффилированных с ними лиц.

Как справедливо можно заметить, Арбитражному управляющему предоставлен широкий спектр полномочий, при использовании которого последний может принимать меры по возврату имущества Должника в конкурсную массу (оспаривание сделок, взыскание убытков, виндикация

имущества и т.д.) и при их использовании может происходить трансформация имущества в имущественные права требований (дебиторская задолженность), например, в случае невозможности возврата имущества в конкурсную массу с Ответчика взыскивается стоимость данного имущества.

Возражая на данный возможный довод, автор отмечает, что в силу пункта 3 статьи 61.11 Закона о банкротстве, непринятие мер по оспариванию сделок Должника не препятствует подаче заявления о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих Должника лиц.

Фактически, доказывание убыточности и порочности сделок, происходит в рамках рассмотрения заявления о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности.

Таким образом, по мнению автора, предметом субсидиарной ответственности за невозможность полного погашения требований кредиторов является имущество Должника, имеющееся на момент совершения противоправных действий, являющиеся основанием для привлечения к субсидиарной ответственности.

§2. СУБЪЕКТ СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДОВЕДЕНИЕ ДО БАНКРОТСТВА

Субъектом субсидиарной ответственности является контролирующее Должника лицо.

Контролирующее должника лицо - физическое или юридическое лицо, имеющее либо имевшее не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий.

Пункт 2 статьи 61.10 Закона о банкротстве содержит перечень условий, при наступлении которых лицо считается контролирующим, например:

- 1) наличие отношений родства или свойства с должником (его органами управления)
- 2) обладание полномочиями на заключение сделок от имени должника
- 3) в силу занимаемой должности у должника, которая позволяет определять действия последнего.

Данный перечень является не закрытым и включает в себя иные случаи осуществления контроля над должником, в том числе путем влияния (принуждения) на органы должника.

4) иным образом, в том числе путем принуждения руководителя или членов органов управления должника либо оказания определяющего влияния на руководителя или членов органов управления должника иным образом.

Как видно из подпункта 4 пункта 2 статьи 61.10 Закона о банкротстве, данный перечень не является закрытым, что открывает широкие возможности лицам, участвующим в деле о банкротстве, доказывать и выявлять скрытых бенефициаров юридического лица.

Стоит положительно оценить данное положение, так как описать в законе все случаи контроля над юридическим лицом просто не представляется возможным, особенно в тех ситуациях, когда конечные бенефициары юридического лица принимают значительные усилия по сокрытию данного контроля.

Развитие пункта 1 статьи 61.10. Закона о банкротстве нашло свое отражение в Постановлении № 53.

В пункте 3 Постановления № 53 указано, что осуществление фактического контроля над должником возможно вне зависимости от наличия (отсутствия) формально-юридических признаков аффилированности (через родство или свойство с лицами, входящими в состав органов должника, прямое или опосредованное участие в капитале либо в управлении и т.п.).

Таким образом, фактическая аффилированность определяется исходя из того, насколько сильным являлось влияние лица на деятельность должника, его

органов управления, на заключаемые им сделки, которые впоследствии привели к негативным экономическим последствиям.

В пункте 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве установлены опровержимые презумпции контролирующих Должника лиц, а именно:

1) лицо являлось руководителем должника или управляющей организации должника, членом исполнительного органа должника, ликвидатором должника, членом ликвидационной комиссии;

2) лицо имело право самостоятельно либо совместно с заинтересованными лицами распоряжаться пятьюдесятью и более процентами голосующих акций акционерного общества, или более чем половиной долей уставного капитала общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью, или более чем половиной голосов в общем собрании участников юридического лица либо имело право назначать (избирать) руководителя должника;

3) лицо извлекало выгоду из незаконного или недобросовестного поведения лиц, указанных в пункте 1 статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Иными словами, если лицо подпадает под установленные критерии, оно «автоматически» относится к контролирующему лицу, а опровержение данного обстоятельства лежит на данном лице.

Введение данных презумпций Федеральным законом от 29.07.2017 № 266-ФЗ преследовало цель установления справедливого бремени доказывания по результатам систематизации многолетней практики по рассмотрению обособленных споров о привлечении контролирующих Должника лиц к субсидиарной ответственности.

Таким образом, Законом о банкротстве не установлен закрытый перечень оснований, в соответствии с которым лицо признается контролирующим. При установлении фактического контроля над лицом суд может принять во внимание наличие личных отношений с директором, учредителем, совместную службу в армии, учебу и т. д.

Немало важным является вопрос о том, если лицо, которое формально являлось контролирующим (номинальный руководитель), в силу тех же установленных законом о банкротстве презумпций, однако, фактически никакого участия в управлении юридическим лицом не принимало, а управляло иное лицо (фактический руководитель) является ли оно субъектом субсидиарной ответственности?

Ответ на данный вопрос содержится в пункте 6 Постановления № 53, где указано, что подобный номинальный руководитель, несмотря на его фактический статус, все же имеет возможность влиять на принимаемые должником решения, заключаемые сделки, то есть данное лицо обладает юридическим контролем, в связи с этим, доводы о том, что данное лицо фактически не оказывало какого-либо влияния на деятельность общества являются несостоятельными.

И в таких случаях, по общему правилу, как номинальный, так и фактический руководитель подлежат солидарной субсидиарной ответственности, вместе с тем, если данный номинальный руководитель предоставил значимые сведения, которые позволили установить (выявить) имущество должника, лиц, фактически контролировавших должника, что позволило, в той или иной степени, удовлетворить требования кредиторов, размер субсидиарной ответственности данных номинальных руководителей может быть уменьшен, то есть фактически подобное «сотрудничество» с судом, арбитражным управляющим действующим законодательством «поощряется».

Размер снижения ответственности разрешается судом в каждом случае индивидуально, с учетом «вклада» соответствующего лица в пополнение конкурсной массы должника.

Данную правовую конструкцию по уменьшению размера субсидиарной ответственности номинального руководителя в случае сотрудничества с арбитражным управляющим и судом по установлению конечных бенефициаров юридического лица можно сравнить с досудебным соглашениям о сотрудничестве.

Введение данного механизма не является какой-то «новинкой», а является положительным заимствованием из уголовно-правовой сферы, более того, как правило, доведение Должника до банкротства тесно граничит с уголовным правом.

Как следует из подпункта 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве, контролирующим Должника лицом может признаваться лицо, которое извлекало выгоду из незаконного или недобросовестного поведения лиц, указанных в пункте 1 статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации.

На практике перечень контролирующих должника лиц постоянно расширяется с учетом конкретных фактических обстоятельств каждого дела.

Однако, впервые Определением Арбитражного суда г. Москвы от 27.10.2020 по делу о банкротстве ООО «Альянс» к субсидиарной ответственности были привлечены дети контролирующих лиц (дело № А40-131425/16) [31].

В рамках указанного дела налоговым органом подано заявление о привлечении генерального директора к субсидиарной ответственности, который вывел все активы общества. Помимо генерального директора налоговый орган просил привлечь к субсидиарной ответственности жену и детей генерального директора.

Суд первой и кассационной инстанции отказал в привлечении членов семьи к субсидиарной ответственности, тогда как суд апелляционной инстанции согласился с позицией налогового органа частично, привлек к субсидиарной ответственности также жену генерального директора.

Однако суды первых трех инстанций единогласно сошлись во мнении об отсутствии правовых основания для возложения субсидиарной ответственности на детей генерального директора.

Определением Судебной коллегии по экономическим спорам РФ от 23.12.2019 № 305-ЭС19-13326 по делу № А40-131425/2016 Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 19.02.2019 апелляционной

инстанции в части привлечения к субсидиарной ответственности генерального директора и его жены оставлено в силе, в части отказа в привлечении к субсидиарной ответственности детей генерального директора обособленный спор направлен на новое рассмотрение в Арбитражный суд г. Москвы [22].

Верховный Суд РФ указал, что отказывая в привлечении к субсидиарной ответственности детей генерального директора, суды не выяснили значимые по делу обстоятельства, а именно, стали ли дети реальными собственниками приобретенного имущества, а также цель приобретения данного имущества, например, являлось ли целью освободить полученное имущество от притязаний третьих лиц.

Отменяя судебные акты в части отказа в привлечении детей генерального директора к субсидиарной ответственности Верховный Суд РФ указал, что судам необходимо было проверить, стали ли дети реальными собственниками подаренного имущества и преследовали ли они цель освободить данное имущество от притязаний третьих лиц.

Верховный Суд РФ прямого ответа на вопрос о возможности привлечения детей к субсидиарной ответственности детей генерального директора не дал, лишь указав, что возмещение причиненного кредиторам вреда ограничено по размеру стоимостью имущества, хотя и сменившего собственника, но, по сути, оставленного в семье (статья 1082 Гражданского кодекса).

Если Верховный Суд РФ аккуратно обошел данный вопрос, то Арбитражный суд г. Москвы Определением от 27.10.2020 на данный вопрос ответил утвердительно, дети привлечены к субсидиарной ответственности в размере стоимости полученного по безвозмездным сделкам имущества.

Постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 19.01.2021 Определение Арбитражного суда г. Москвы оставлено без изменения.

Однозначно ответить на вопрос, справедливо ли возлагать на детей солидарную субсидиарную ответственность в тех случаях, когда фактически

все их действия определяли их законные представители, и учитывая то, что даже последующее их банкротство не позволит освободиться им от долгов, не представляется возможным, однако, детальному изучению в настоящем труде не подлежит.

Также необходимо отметить, что смерть лица, привлеченного к субсидиарной ответственности, либо подлежащего к привлечению, не приводит к нивелированию возможности привлечения к субсидиарной ответственности наследников контролирующего должника в пределах наследственной массы, о чем было указано в Определении СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16 декабря 2019 г. № 303-ЭС19-15056 [31].

К субсидиарной ответственности может быть привлечено любое лицо, которое в силу фактических обстоятельств, было связано с Должником и если есть доказательства того, что лицо могло осуществлять фактический контроль над лицом. Если ранее практика привлечения к субсидиарной ответственности складывалась неоднозначно, а даже больше в пользу контролирующих Должника лиц, то в настоящее время, после законодательных изменений института субсидиарной ответственности, произошедших в 2017 году, практика начала развиваться в обратном направлении, в пользу кредиторов Должника, ввиду введения ряда презумпций и расширения круга контролирующих лиц.

Так, согласно данным Федресурса, в 2017 году всего было подано 4 822 заявления, из которых удовлетворено лишь 792, то есть процент удовлетворения составил 16%. В 2019 году количество поданных заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности составило 5906, т.е. на 20% больше в сравнении с 2017 годом, из которых было удовлетворено 2 995, что в процентном выражении составило 50,7% [77].

То есть процент удовлетворения поданных заявлений вырос более, чем в 3 раза. Схожая статистика по субсидиарной ответственности имеется и в 2020 году, в котором было подано 5 672 заявления, удовлетворено 2 997 заявлений, что составляет 52,8%.

Данная статистика наглядно демонстрирует нарастающую тенденцию по актуализации, востребованности института субсидиарной ответственности, который участники дела о банкротстве используют в целях восстановления своих нарушенных прав.

И как уже было указано, ранее основным субъектом привлечения к субсидиарной ответственности выступали руководители предприятий, то в настоящее время нарастает тенденция по расширению данного круга лиц.

Таким образом, как видно из судебной практики, вывести какой-либо полный перечень лиц, в отношении которых возможно применение института субсидиарной ответственности, просто не представляется возможным, так как по закону данный перечень является открытым.

§3. ОБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ДОВЕДЕНИЯ ДО БАНКРОТСТВА

Объективной стороной субсидиарной ответственности являются действия (бездействие), противоправность, причинно-следственная связь между деянием и наступившими негативными последствиями.

В судебной практике при рассмотрении заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих лиц уделяется особое внимание исследованию объективной стороны субсидиарной ответственности.

В гражданском праве отсутствие результата (последствия воздействия субъекта на объект, произведенное деянием изменение во внешнем мире) исключает ответственность, а характер результата определяет размер ответственности.

Или как отмечали отечественные ученые: «Действие противозаконное, но не причиняющее вреда, не влечет за собой никаких гражданских последствий, в особенности же покушение в гражданском праве не имеет никакого смысла» [Бакин, с. 91]. Действительно, совершение каких-либо неправомерных действий, которые не причиняют какого-либо вреда правам третьих лиц, либо не создает угрозу их нарушения, для гражданского права не имеет значение и негативных последствий для лица не влечет.

Субсидиарная ответственность по долгам Должника является последствием противоправного деяния контролирующих Должника лиц против имущественных интересов Кредиторов Должника.

Несостоятельность Должника является неотъемлемым и существенным признаком объективной стороны состава субсидиарной ответственности за доведение до банкротства Должника хотя бы потому, что привлечение к субсидиарной ответственности в отрыве от института несостоятельности (банкротстве) Должника невозможно.

К вреду, как признаку состава правонарушения, относится имущественный вред, причиняемый кредиторам Должника вследствие неправомерных действий контролирующих Должника лиц.

Вред включается в себя следующие негативные последствия для должника:

- уменьшение имущественной массы должника;
- увеличение долговой нагрузки на должника;
- иные последствия, приводящие к полной или частичной утрате возможности удовлетворить требования кредиторов за счет имущества несостоятельного юридического лица.

Стоит отметить, что нарушение имущественных интересов кредиторов рассматривается не как следствие несостоятельности должника в силу естественных процессов рыночной экономики, а вследствие изменения активов Должника, в результате неправомерных действий контролирующих лиц.

Необходимым признаком объективной стороны субсидиарной ответственности является противоправность действий (бездействия).

Противоправность действий (бездействия) подразумевает под собой нарушение обязанным лицом норм и (или) условий, определенных законом, договором или иным нормативным актом.

Применительно к субсидиарной ответственности за доведение до банкротства, к противоправному поведению относятся действия (бездействие) которые явились необходимой причиной банкротства должника, то есть те, без

которых объективное банкротство не наступило бы, либо существенно ухудшили его финансовое положение.

Под существенным ухудшением финансового положения Должника понимается создание условий для дальнейшего значительного роста диспропорции между стоимостью активов должника и размером его обязательств.

Согласно выработанной судебной практике, примером противоправного поведения могут являться следующие действия:

- нарушение принципов добросовестности, разумности при принятии управленческих решений, влияющих на финансовое состояние должника;

- заключение, осуществление сделок от имени должника в своих личных интересах, отличных от интересов общества;

- распоряжение имуществом должника как своим собственным, то есть допущение игнорирования института имущественной обособленности юридического лица.

Таким образом, под противоправным поведением при привлечении к субсидиарной ответственности понимается совокупность действий (бездействия) контролирующих лиц, которые повлекли наступление объективного банкротства Должника, либо существенно ухудшили его финансовое положение.

Причинно-следственная связь приобретает свое значение только в ситуациях, когда охраняемым законом общественным отношениям причиняется вред или создается угроза его причинения, т.е. оказано существенное влияние на наступление конечного результата, в настоящем случае, наступление объективного банкротства.

Доказывание и выявление причинно-следственной связи деяния с банкротством Должника осложняется принципом отстранения суда от проверки экономической целесообразности совершенных сделок контролирующими должника лицами, т.к. судебный контроль призван обеспечивать защиту прав

юридических лиц и их учредителей (участников), а не проверять экономическую целесообразность решений, принимаемых директорами.

Примечательно, что в некоторых странах, например в штате Калифорнии суды руководствуются определенным списком, в котором установлен ряд критериев, при наличии которых осуществляется привлечение лица к субсидиарной ответственности. Например, одним из критериев является смешение имущества Должника и бенефициара компании, т.е. происходит нарушение принципа имущественной обособленности юридического лица. Данный критерий применяется и в России, когда контролирующее лицо начинает использовать имущество в своих личных целях, игнорируя интересы компании и удовлетворяя свои.

Другим критерием является нарушение контролирующим лицом установленных в компании процедур при принятии значимых для компании решений, например, согласование крупной сделки или сделки с заинтересованностью. В этом как раз и проявляется ситуация, когда действия лица являются незаконными, однако, в случае успешности сделки, права юридического лица и акционеров не нарушаются и отсутствуют негативные последствия управленческого решения.

Еще одним критерием является недостаточность активов у компании, что приводит к невозможности осуществления финансово-хозяйственной деятельности. Данное обстоятельство квалифицируется как обман кредиторов должника, когда при недостаточности имущества компания начинает принимать на себя необоснованно высокие риски, а в случае неудачи, оказывается неспособной удовлетворить требования кредиторов. Данный критерий является аналогом субсидиарной ответственности за несвоевременную подачу заявления о несостоятельности Должника.

Также применяются критерии, которые и распространены в России, а именно наличие фактического контроля над юридическим лицом и нарушение принципов справедливости (добросовестность и разумность).

Последствием противоправного поведения в рамках доведения до банкротства всегда является уменьшение активов Должника в отсутствие пропорционального сокращения его обязательств.

Таким образом, под объективной стороной доведения до банкротства (невозможность полного погашения требований кредиторов) понимается совокупность действий (бездействия) в результате совершения которых наступило объективное банкротство Должника, либо существенно ухудшилось его финансовое положение, приведшее к невозможности погашения требований кредиторов Должника.

§4. СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ДОВЕДЕНИЯ ДО БАНКРОТСТВА

Субъективная сторона отражает психическую деятельность лица в момент правонарушения, обязательным признаком которой является вина.

Вина - характеристика субъективного психического отношения лица к совершаемому деянию и причиняемым последствиям.

Гражданским кодексом РФ закрепляется презумпция вины причинителя вреда (п. 1 и 2 ст. 401, п. 2 ст. 1064 ГК РФ).

Для гражданско-правовой ответственности не является обязательным определение мотивов, из-за которых участником оборота были проигнорированы стандарты ожидаемого поведения от любого участника рыночных отношений, вследствие чего он не проявил осмотрительности и заботливости при совершении тех или иных действий [78].

Применительно к вине за доведение до банкротства необходимо рассматривать поведение субъекта ответственности с точки зрения не надлежащего исполнения принятых Должником обязательств, а с позиции предупреждения вреда.

Закон о банкротстве не раскрывает каких-либо критериев относительно учета вины лица при его привлечении к субсидиарной ответственности, т.к. она презюмируется.

Как было указано, основное внимание уделяется объективной стороне доведения до банкротства.

В пункте 18 Постановления № 53 указано, что контролирующее должника лицо не подлежит привлечению к субсидиарной ответственности в случае, когда его действия (бездействие) были совершены в пределах обычного предпринимательского риска, а цель причинения вреда кредиторам должника отсутствовала.

Как видно, даже несмотря на возможное совершение убыточных сделок Должника, суду необходимо исследовать, не выходили ли действия контролирующего Должника лица за пределы обычного делового риска.

Противоправность доведения до банкротства выражается в создании препятствий кредиторам должника в реализации их имущественных прав на возможность удовлетворения своих требований за счет имущества Должника, нарушение принципов добросовестности и разумности при принятии бизнес решений, злоупотреблении формой юридического лица в целях личного обогащения во вред Кредиторам Должника.

Деяния, направленные или приведшие к объективному банкротству, могут совершаться только умышленно. Следовательно, субъект субсидиарной ответственности должен осознавать последствие своего действия в виде негативного изменения состава имущества должника и как следствие причинение вреда имущественным правам кредиторов вообще, а не причинение вреда каким-либо конкретным, уже имеющимся кредиторам.

Таким образом, к виновным действиям (бездействию) относятся волевые акты лица, посредством которых нарушаются имущественные права кредиторов, когда лицо заведомо осознает или не может осознавать предстоящие негативные последствия для третьих лиц, однако в конечном итоге относится к таковым безразлично.

При определении вины и оценке действий контролирующих лиц будет оцениваться добросовестность и разумность данного лица.

Добросовестность и разумность являются оценочными категориями, которые в зависимости от той или иной ситуации, мировоззрения, управленческого опыта, экономических и юридических познаний оценивающих лиц могут интерпретироваться по-разному.

Вместе с тем, «золотым» правилом является сопоставления поведения оцениваемого лица с поведением, которое в тех же самых условиях ожидается от любого участника гражданского оборота.

Нередко в данном случае приобретают значимую роль нравственность и мораль.

Исходя из общеизвестных правил поведения в обществе, морали, судебная практика выработала ряд критериев, при соблюдении которых действия лица относятся к добросовестным: 1) не игнорирует интересы другой стороны 2) не препятствует, а содействует другой стороне в реализации ее прав 3) при наличии возможности принимает попытки предотвратить нарушение прав другой стороны 4) информирует контрагента, который не является профессиональным участником возникающих правоотношений, о возможных последствиях, необходимости совершения дополнительных действий в целях достижения желаемого результата и т.д.

Иными словами, совершая то или иное действие необходимо руководствоваться «золотым правилом нравственности» - поступай с другими так, как хочешь, чтобы они поступали с тобой.

К добросовестному поведению будет относиться действие (бездействие) лица, сравнимое с аналогичным поведением обычного участника хозяйственного оборота

К основным критериям разумности относится соблюдение действующего законодательства, осуществление действий, направленных на достижение поставленной цели, а также уважение прав и законных интересов иных участников гражданского оборота.

Иными словами, действия контролирующего лица должны быть направлены на достижение целей, ради которых и создано юридическое лицо,

при условии соблюдения действующего законодательства при осуществлении действий, направленных на её достижение.

При определении правомерности деяний контролирующего лица не дается оценка конечному результату, т.к. суд не может оценивать эффективность управленческих решений пост-фактум, однако, суд оценивает сам процесс, порядок принятия лицом того или иного значимого решения: была ли принята во внимание вся имеющаяся и доступная лицу значимая информация, проводились ли консультации с профильными специалистами относительно принимаемого решения, могло ли лицо предвидеть возможные негативные последствия исходя из сложившейся ситуации. Иными словами, происходит сопоставление действий проверяемого лица с действиями обычного среднестатистического управленца.

Данный подход представляется разумным и обоснованным, так как несправедливо проверять экономическую целесообразность решения уже после совершения тех или иных действий, т.е. пост-фактум, т.к. в данном случае все вышеуказанные обстоятельства, сам процесс, попросту бы игнорировался, а любой предпринимательский риск фактически бы перекладывался с юридического лица на его контролирующих лиц.

Таким образом, при оценке субъективной стороны субсидиарной ответственности за невозможность полного погашения требований кредиторов необходимо четко различать последствия, которые вызваны объективными обстоятельствами, например, конкуренцией, и последствия, вызванные умышленными действиями (бездействием) контролирующих должника лиц, а одним из главных вопросов, который предстоит выяснить, это осознавало ли лицо последствия совершаемых им действий и возможное причинение ущерба Кредиторам Должника.

ГЛАВА 3. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ОРГАНИЗАЦИЙ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

§1. ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ДОЛЖНИКА ЛИЦ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ

В настоящее время число обособленных споров по привлечению контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности постоянно растет, вместе с которым и растет процент удовлетворения соответствующих заявлений.

Учитывая, что в подавляющем большинстве процедур банкротства имущества должника недостаточно для удовлетворения всех включенных в реестр требований кредиторов должника требований, арбитражные управляющие, конкурсные кредиторы все чаще прибегают к данному способу защиты своих нарушенных прав.

И первым лицом, привлекаемым к субсидиарной ответственности, в подавляющем большинстве случаев, становится руководитель должника.

Несмотря на то, что в Постановлении № 53 субсидиарная ответственность поименована как исключительный вид ответственности, анализ судебной практики показывает, что последняя направлена на усиление ответственности контролирующих лиц, а данная мера является не такой уж и исключительной.

По мнению автора, при рассмотрении заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности все чаще игнорируется то обстоятельство, что любая предпринимательская деятельность связана с риском (п. 1 ст. 2 ГК РФ).

Любой бизнес, так или иначе, совершает множество сделок, однако не каждая подобная сделка приносит доход юридическому лицу, что само по себе является нормальным явлением в условиях рыночной экономики, влияния различных внешних и внутренних экономических факторов на деятельность предприятия.

Имеется множество ситуаций, которые могут привести бизнес к банкротству, например, повышение процентных ставок по кредитам, банкротство крупного в масштабах деятельности юридического лица контрагента-дебитора, изменение курса национальной валюты по отношению к иностранной и многое другое.

Все эти факторы, как в совокупности, так и по отдельности, в условиях добросовестного осуществления предпринимательской деятельности могут стать негативным последствием предпринимательского риска – невозможности произвести расчеты с кредиторами.

В связи с этим, в рамках рассмотрения обособленного спора по привлечению контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности за доведение до банкротства, осуществляется анализ совершенных сделок, которые в конечном итоге явились для должника убыточными. В ходе данного анализа одним из главных обстоятельств, подлежащих установлению, является определение того, выходила ли сделка за пределы предпринимательского риска, являлись ли действия руководителя добросовестными и разумными.

Если руководитель должника действовал разумно и добросовестно, в интересах юридического лица, то данная сделка, будучи убыточной, не может быть поставлена в вину руководителю должника и являться одним из оснований для привлечения к субсидиарной ответственности за доведение до банкротства [79].

При исследовании вопроса о том, совершена ли сделка в пределах предпринимательского риска, немаловажную роль играет позиция руководителя в рамках обособленного спора.

Фактически, при привлечении к субсидиарной ответственности, привлекаемое лицо должно быть самым активным участником процесса, так как результаты рассмотрения данного спора могут напрямую отразиться на его имущественной сфере.

Вместе с тем, далеко не всегда привлекаемые лица занимают активную позицию по делу, умалчивают те или иные обстоятельства в надежде на то, что

об указанных обстоятельствах, кроме самого руководителя, никто не знает, выбирают представителей с недостаточным уровнем подготовки, опыта для рассмотрения подобных дел.

Судебный процесс построен на том, что суд устанавливает относительную истину на основании лишь тех доказательств, которые представлены в дело лицами, участвующими в деле, и самостоятельно собирать данные доказательства суд не вправе.

В связи с этим, довольно часто результат судебного спора зависит от комплекса мер, направленных на защиту привлекаемых лиц к субсидиарной ответственности, полноты и достоверности информации, которую представляет контролирующее лицо в дело.

Более того, нередко случаи, когда в рамках рассмотрения споров по оспариванию сделок должника, контролирующие должника лица занимают пассивную позицию, не представляют пояснений относительно существования сделки, её экономической целесообразности, что в конечном итоге приводит к тому, что судебный акт, которым подобные сделки признаются недействительным, кладется в основу привлечения контролирующего лица к субсидиарной ответственности.

Поэтому контролирующим лицам необходимо уделять особое внимание порядку проведения процедуры, характеру рассматриваемых споров, и при необходимости, принимать активное участие в таковых, помогать суду устанавливать значимые обстоятельства для дела, что, в перспективе, в случае подачи заявления о привлечении к субсидиарной ответственности, может благоприятно сказаться на исходе дела в пользу контролирующего лица.

§2. ПРИВЛЕЧЕНИЕ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ПРАВОСУДИЯ АРБИТРАЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Предпринимательский риск является оценочной категорией, и именно суд, на основании внутреннего убеждения, в конечном итоге будет давать оценку совершенным руководителем должника сделкам.

Необходимо также учитывать то обстоятельство, что судьи, несмотря на их обширный опыт, в большинстве случаев никогда не занимались предпринимательской деятельностью, и могут попросту не осознавать, как совершаются те или иные сделки в условиях реального рыночного оборота, что при определенных обстоятельствах может вызывать сомнения у судьи в реальности сделки, её экономической целесообразности, тогда как у иных субъектов предпринимательской деятельности, которые активно ведут аналогичную экономическую деятельность, та же самая сделка не вызовет абсолютно каких-либо сомнений.

Это все свидетельствует о том, что на внутреннее убеждение судьи значительное влияние оказывает его жизненный, профессиональный опыт, знание основ экономики, порядка ведения малого и среднего бизнеса, знание того, как обычно могут и заключаются те или иные сделки в схожих обстоятельствах.

При защите своих интересов, контролирующее лицо обязано использовать все возможные способы защиты, представлять различные доказательства, которые свидетельствуют о том, что подобные сделки, которые вменяются ему в вину как убыточные, совершены в пределах предпринимательского риска.

Одним из таких доказательств является судебная экспертиза. Специальные познания эксперта в рамках финансово-экономического и (или) бухгалтерского исследования могут помочь установить экономический эффект, целесообразность совершения той или иной сделки, ряда сделок.

Учитывая, что судья, сомневаясь в том, совершена ли сделка в пределах предпринимательского риска, будет прислушиваться к позициям сторон и представляемым ими доказательствам, и именно в данной ситуации, тот, у кого позиция будет более убедительной, арбитражного управляющего или контролирующего лица, сможет «склонить» судью на свою сторону.

Вместе с тем, даже опытный и квалифицированный эксперт, рассчитав необходимые коэффициенты, не может оценить разумность и обоснованность

риска от сделки, к которому прибегнул руководитель в конкретно сложившейся ситуации, и сравнить его с поведением обычного представителя субъекта экономической деятельности в схожей ситуации.

В подобных ситуациях возрастает роль заключения от представителей бизнес-сообщества, которые зарекомендовали себя с положительной стороны, а также заключений от лиц, не участвующих в деле, но оказывающих содействие суду, предоставляя информацию, которая имеет отношение к делу, к которым относятся негосударственные организации, ассоциации, объединения, торгово-промышленные палаты, и иные организации, целью и функцией которых являются защита и развитие бизнеса. Главное, чтобы указанные лица, которые представляют заключение, никоим образом не были связаны с должником и не были заинтересованы в исходе дела.

В качестве примера можно привести опыт Франции, где предпринимательские споры в первой инстанции рассматривают члены торгово-промышленной палаты, то есть предприниматели, так как они имеют большой опыт в управлении предприятиями, бизнесом в целом, порядком разрешения кризисных ситуаций, построением системы управления предприятием и решением текущих вопросов, возникающих в хозяйственной деятельности. Независимость данных судей-предпринимателей обеспечивается коллегиальностью принятия решений, а также угрозой отстранения (лишения статуса) в случае совершения ими дисциплинарных проступков.

Согласно действующему законодательству в случае сложности спора, необходимости наличия специальных познаний в экономической сфере, бухгалтерского учета и аудита, менеджмента, лица, участвующие в арбитражном процессе могут ходатайствовать перед судом о привлечении к осуществлению правосудия арбитражных заседателей, статус которых приравнивается к статусу судьи.

Однако, данное ходатайство невозможно заявить при рассмотрении дела о банкротстве, так как с 2010 г. установлен запрет на применение института арбитражных заседателей в деле о банкротстве.

Учитывая многообразие видов экономической деятельности, в определенных ситуациях необходимо довольно тщательно знать законодательство, регулирующее данную сферу отношений, и не каждый судья может с легкостью изучить все тонкости той или иной сферы правоотношений (например, ценные бумаги, банковская деятельность).

В результате специалисты из разных областей могут оценить действия контролирующих лиц на предмет их разумности, добросовестности.

Отличие института арбитражных заседателей от института судебной экспертизы в рассматриваемом контексте заключается в том, что арбитражные заседатели приравнены к судье, тогда как результаты судебной экспертизы не являются обязательными для судьи и подлежат оценке наравне с иными доказательствами, имеющимися в материалах дела.

Полагаем, в данной части необходимо кардинально менять ситуацию, и убрать ранее установленный запрет на участие арбитражных заседателей при рассмотрении дела о банкротстве.

Помимо оценки последствий убыточной сделки в разрезе предпринимательского риска, особое внимание уделяется действиям руководителя юридического лица-банкрота.

Постановлением Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» (далее – Постановление № 62) [13] разъяснено, что негативные последствия, которые наступили для юридического лица вследствие совершения контролирующими лицами тех или иных действий, не являются свидетельством недобросовестности и (или) неразумности руководителя должника, так как любая предпринимательская деятельность сопряжена с предпринимательским риском. В свою очередь, суд не вправе проверять экономическую целесообразность решений, принимаемых директорами, а директор не подлежит ответственности, если его действия не выходили за пределы сопутствующего предпринимательской деятельности риска.

Учитывая данные разъяснения, следует отметить, что институт субсидиарной ответственности должен применяться только в случае действительно недобросовестных действий руководителя, которые повлекли уменьшение имущественных прав кредиторов, а, следовательно, нарушение интересов конкурсных кредиторов, тогда как привлечение к ответственности в случае принятия ошибочных управленческих решений, но в пределах разумного риска, должно быть нивелировано.

Таким образом, только в случае явных и очевидно неразумных и недобросовестных действий контролирующих лиц, которые пренебрегли принципов ограниченной ответственности юридического лица, возможно применение института субсидиарной ответственности.

Несмотря на то, что согласно разъяснениям высших судебных инстанций о том, что суд не вправе проверять экономическую целесообразность сделки, суды прямо или косвенно дают оценку экономической целесообразности сделки.

Например, в Постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 04 декабря 2020 года по делу № А81-10636/2017 [24], суд, отменяя судебные акты первой и апелляционной инстанции, и, направляя спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указал, что экономическая целесообразность и хозяйственная необходимость заключения спорного договора аренды в период вероятного наступления объективного банкротства должника на предмет причинения вреда кредиторам, не проверялась.

Вместе с тем, в защиту вышеуказанного судебного акта стоит отметить, что данный довод судом кассационной инстанции указан применительно к ситуации, когда незадолго до банкротства должника была заключена сделка по аренде недвижимого имущества, гаража площадью 128 кв. м., при том условии, что должник является управляющей компанией и не имеет собственной техники для хранения её в данном арендованном имуществе.

Как уже было указано, суды, оценивая действия руководителя на предмет добросовестности и разумности, ориентируются на поведение разумного и добросовестного предпринимателя в тех же условиях.

Именно в этой ситуации, неформально, особую роль играют заключения от представителей бизнес-сообщества, о которых указывалось выше. Данные заключения позволяют не только оценить сделки с позиции предпринимательского риска, но и поведения контролирующего лица.

В случае, если подобные заключения контролирующим должника лицом не представляются, суд прислушивается к мнениям лиц, участвующих в деле, а также, так или иначе, ставит себя на место контролирующего лица и решает, как бы он поступил в данной ситуации, совершил ли данную сделку.

Недостатком подобной ситуации, когда контролирующими лицами не представляются подобные заключения, является то, что как уже указывалось ранее, судьи в большинстве случаев попросту не обладают опытом ведения предпринимательской деятельности, а учитывая количество подобных споров, которые судьи рассматривают ежегодно, так или иначе у судьи может складываться негативное представление относительно той или иной схожей ситуации, которая может быть перенесена и на настоящее дело, и, в конечном итоге, негативно отразиться на итоге судебного спора для контролирующего должника лица.

Например, соглашаясь с выводами судом первой и апелляционной инстанции, Арбитражный суд Западно-Сибирского округа в постановлении от 24.01.2020 N Ф04-1103/2016 по делу N А45-7621/2015 [25] пришел к выводу об отсутствии оснований для привлечения к субсидиарной ответственности Алдохина С.Г., Тюреева А.А., Кузнецова И.Б., Поветьева А.А., которые одобрили решения о заключении договоров поручительства. Соглашаясь с выводами судов, судебная коллегия кассационной инстанции указала, что экономические мотивы одобрения обеспечительных сделок раскрыты и не вызывают сомнений в их разумности, финансовое состояние должника,

заемщиков было проверено Банком и позволяло прогнозировать высокую вероятность возврата заемных средств.

Также суд кассационной инстанции придал значение тому, что договоры поручительства – это ординарный способ исполнения обязательств, особенно в рамках хозяйственных отношений внутри группы компаний, и данные сделки в конечном итоге направлены на извлечение прибыли.

Безусловно, все вышеуказанное применимо только к ситуациям, когда контролирующее лицо добросовестно и разумно осуществляло возложенные на него обязанности. Ни судебные экспертизы, ни заключения бизнес-сообщества не позволят избежать субсидиарной ответственности в ситуациях, когда доказан умысел контролирующего должника лица на вывод активов организации, например, когда последнее, в преддверии банкротства, осуществляет вывод активов в свою пользу или аффилированных лиц посредством заключения договоров займа, мнимых сделок и т.д.

Таким образом, одной из проблем правоприменительной практики при рассмотрении споров о привлечении к субсидиарной ответственности, является внутреннее убеждение судьи, так как предпринимательский риск, разумность и добросовестность контролирующего лица являются оценочными категориями, а в таких ситуациях, как правило, большую роль играет профессионализм и опыт судьи, занятая контролирующим лицом позиция, квалификация представителя контролирующего лица, а также совокупность представляемых доказательств.

К сожалению, иногда, из-за недостаточной проработки линии защиты, недостаточности относимых доказательств, представленных контролирующим лицом, отсутствия должного представления у судьи относительно порядка совершения сделок в той или иной сфере, контролирующее должника лицо привлекается к субсидиарной ответственности, тогда как при должном внимании ко всем вышеуказанным обстоятельствам, данной ответственности можно было бы избежать.

Все эти обстоятельства обусловлены тем, что суд устанавливает относительную истину, на основании пояснений лиц, участвующих в деле, представленных доказательств, своего внутреннего убеждения, которая, в свою очередь, не всегда является абсолютной (объективной) в разрезе всех объективно существующих фактических обстоятельств, а не только тех, которые установлены в рамках спора о привлечении к субсидиарной ответственности.

§3. ПРАВА КОНТРОЛИРУЮЩИХ ДОЛЖНИКА ЛИЦ

Еще одним фактором, который иногда становится «камнем преткновения» в защите контролирующего должника лица являются судебные акты, вынесенные до подачи заявления о привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности.

К таким судебным актам, в первую очередь, относятся определения о включении требований кредитора в реестр требований кредиторов должника, определения о признании сделок должника недействительными, то есть акты, которые непосредственно влияют как на размер потенциальной субсидиарной ответственности, так и на квалификацию действий руководителя на предмет разумности и добросовестности.

Данная проблема заключается в том, что действующий закон о банкротстве не содержит положений, которые определяли бы права контролирующего лица в деле о банкротстве до подачи заявления о привлечении его к субсидиарной ответственности.

Статьей 34 Закона о банкротстве определен перечень лиц, участвующих в деле о банкротстве, к числу которых ранее контролировавшие должника лица не отнесены.

Согласно пункту 1 статьи 61.15 Закона о банкротстве, контролирующее лицо имеет права и несет обязанности лица, участвующего в деле о банкротстве только после подачи заявления о привлечении его к субсидиарной ответственности.

В этой связи, контролирующее лицо, будущий ответчик в споре о привлечении к субсидиарной ответственности, не может оспаривать судебные акты о включении требований кредиторов, тем самым препятствуя увеличению долговой нагрузки на должника, которая, в последующем, может быть переложена на данное лицо.

То же самое касается и споров, связанных с оспариванием сделок должника, в которых, так или иначе, дается оценка совершенной сделке, а, следовательно, и действиям менеджмента несостоятельного лица.

В результате чего контролирующее лицо находится в неравном положении по сравнению с лицами, участвующими в деле, в первую очередь с конкурсным управляющим и сообществом кредиторов.

Одним из таких примеров является определение Девятого арбитражного апелляционного суда по делу № А40-65516/17 от 30.09.2020, которым суд возвратил апелляционную жалобу бывшего генерального директора Должника на определение о включении в реестр требований кредиторов должника со ссылкой на то, что данный судебный акт не возлагает каких-либо обязанностей и не затрагивает его прав.

Постановлением Арбитражного суда Московского округа от 18.11.2020 судебный акт оставлен без изменения в составе судей Е. Л. Зеньковой, Н. Н. Тарасова, Н. Я. Мысака [80].

Примечательным в данной ситуации является то, что эта же тройка судей немногим ранее, в постановлении от 24.08.2020 по делу № А40-299816/2018 [81] указала, что контролирующие лица вправе активно защищать свои права, в том числе путем обжалования действий конкурсного управляющего.

Такая же ситуация складывается и при подаче жалоб на действия внешнего (конкурсного) управляющего контролирующим лицом. Практика является до сих пор неоднозначной, однако, в Определении от 23.09.2021 по делу № 307-ЭС21-9176 Верховный Суд РФ направил жалобу контролирующего лица на новое рассмотрение, где суды по существу её не рассматривали,

возвратили подателю (контролирующему лицу), ссылаясь на то, что он не является лицом, участвующим в деле о банкротстве [82].

В данной ситуации, при наличии инициированного обособленного спора о привлечении к субсидиарной ответственности, суды отказались рассматривать жалобу контролирующего лица на действия конкурсного управляющего.

Верховный Суд РФ обоснованно указал, что удовлетворение поданной жалобы и взыскание убытков с конкурсного управляющего приведет к уменьшению размера потенциальной ответственности контролирующего лица и отметил, что иного способа защиты у контролирующего должника лица не имеется.

Данный подход Верховного Суда РФ стоит только поддержать, так как он направлен на обеспечение защиты прав и законных интересов лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности.

Таким образом, полагаем, что контролирующее должника лицо должно иметь возможность обжаловать судебные акты о включении необоснованных требований кредиторов в реестр, признании сделок недействительными, а также обжаловать действия внешнего (конкурсного) управляющего, в таких ситуациях суд не вправе отказывать в защите нарушенных прав контролирующего лица.

Данную правовую неопределенность относительно прав контролирующих лиц возможно устранить на уровне постановлений Пленума Верховного Суда РФ, а лучше путем включения контролирующих должника лиц в состав лиц, участвующих в деле о банкротстве, определенных в статье 34 Закона о банкротстве.

В данном случае может возникнуть вопрос о целесообразности подобных дополнений в действующую статью со ссылкой на то, что фактически контролирующее лицо не заинтересовано в раскрытии факта своего контроля, в связи с чем данная норма будет неактуальной.

Действительно, с первого взгляда подобное предположение кажется верным и обоснованным, контролирующие лица не будут реализовывать свои права хотя бы лишь в силу того, что не хотят раскрывать свой статус контролирующего лица.

Однако необходимо помнить, что в первую очередь под гнётом субсидиарной ответственности находятся единоличные исполнительные органы несостоятельного юридического лица, факт контроля которых над должником ни для кого не является секретом.

Внесение изменений в статью 34 Закона о банкротстве в первую очередь будет направлено на защиту прав данных лиц, позволит устранить неопределенные ситуации, касающиеся наличия правомочий у данных лиц обжаловать те или иные судебные акты должника, которые отражаются на размере потенциальной субсидиарной ответственности.

Кроме того, это позволит устранить ситуации, когда после подачи заявления о привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности данное лицо начинает обжаловать судебные акты о включении в реестр требований кредиторов должника, признании сделок должника недействительными по прошествии значительного времени после их принятия.

В настоящее время данное лицо может обжаловать судебные акты только после принятия заявления о привлечении его к субсидиарной ответственности, (и то из-за неоднозначной судебной практики данное правомочие является спорным), восстановить срок на подачу жалобы со ссылкой на то, что данное лицо не было привлечено к спору, а вынесенный судебный акт влияет на его права и обязанности, однако, между принятием обжалуемого судебного акта и подачей заявления о привлечении к субсидиарной ответственности может пройти достаточно большой промежуток времени, а подобное обжалование судебных актов является экономически нецелесообразным, направленным на затягивание процедуры банкротства, сроков рассмотрения обособленных споров о привлечении к субсидиарной ответственности.

Включение контролирующих лиц в список лиц, участвующих в деле о банкротстве, позволит устранить подобные ситуации по обжалованию судебных актов по прошествии значительного количества времени, что в наиболее полной мере соответствует принципам разумного срока судопроизводства, правовой определенности.

Подобные изменения приведут к тому, что контролирующие лица будут занимать более активную позицию в процедуре банкротства, своевременно обжаловать те или иные судебные акты, которые в будущем могут негативно отразиться на их правах и обязанностях.

Активное процессуальное участие контролирующих лиц в процедуре банкротства не может каким-либо образом негативно отразиться на правах лиц, участвующих в деле, так как это обусловлено тем, что интерес данного лица будет заключаться в том, чтобы максимально удовлетворить требования кредиторов должника, в связи с этим интерес данного лица фактически будет совпадать с задачами арбитражного управляющего по наиболее полному формированию конкурсной массы с её последующим распределением между кредиторами должника.

Даже если получится так, что соответствующее контролирующее лицо принимало активное участие в деле о банкротстве, а в конечном итоге заявление о привлечении к субсидиарной ответственности не подавалось, какого-либо негативного эффекта для процедуры в целом не будет.

Контролирующее лицо, будучи разумным и добросовестным лицом, фактически будет действовать на стороне кредиторов и содействовать в пополнении конкурсной массы, препятствовании увеличению долговой нагрузки на должника (возражать против мнимых требований кредиторов) и т.д.

Еще одним положительным моментом от внесения подобных изменений является то, что это может поспособствовать раскрытию фактических контролирующих лиц должника.

Перед подобным бенефициаром будет стоять выбор: раскрыть свой статус и принимать активное процессуальное участие в процедуре, осуществляя действия, направленные на наиболее полное формирование конкурсной массы, либо продолжать находиться «в тени» под условием потери права на обжалование каких-либо судебных актов, принятых по различным обособленным спорам, в случае подачи заявления о привлечении такого фактического выгодоприобретателя к субсидиарной ответственности.

Таким образом, отнесение контролирующих должника к лицам, участвующим в деле о банкротстве, позволит:

- гарантировать права на защиту соответствующим лицам;
- повысить эффективность формирования конкурсной массы;
- сохранить незыблемость принципов разумного срока судопроизводства, правовой определенности;
- раскрыть фактически контролирующих должника лиц.

§4. ДЕЙСТВИЕ НОРМ, РЕГУЛИРУЮЩИХ СУБСИДИАРНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, ВО ВРЕМЕНИ

Еще одна проблема, часто возникающая в правоприменительной практике судов при рассмотрении споров о привлечении к субсидиарной ответственности, касается действия норм о субсидиарной ответственности во времени.

Как ранее было отмечено автором, субсидиарная ответственность является разновидностью гражданско-правовой ответственности и, соответственно, материальные нормы, её регулирующие, применяются на момент совершения вменяемых контролирующим лицам действиям или иными словами, на тот момент, когда возникли обстоятельства, которые, по мнению заявителя, являются основанием для возложения субсидиарной ответственности.

Сроки привлечения к субсидиарной ответственности, её объем, правовые презумпции, подлежат определению по тем правилам, которые существовали на момент совершения спорных действий контролирующими лицами.

Федеральным законом № 266-ФЗ была введена в действие глава III.2 Закона о банкротстве, которая регулирует ответственность контролирующих должника лиц, а статья 10 утратила силу, которая до принятия данного закона регулировала те же самые вопросы.

При этом в п. 3 ст. 4 данного закона указано, что рассмотрение заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности, которые поданы с 01.07.2017, производится по правилам Закона о банкротстве в редакции Федерального закона №266-ФЗ.

В силу данного указания, в судебной практике сложилось три подхода относительно применения норм, установленных главой III.2 Закона о банкротстве при рассмотрении заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности, поданных после 01.07.2017 (вступления в силу ФЗ № 226-ФЗ), в основу которых положены противоправные действия контролирующих лиц, совершенные до указанной даты.

Первый подход основан на том, что при рассмотрении заявлений, поданных после 01.07.2017, применяются все нормы, установленные главой III.2

Например, Арбитражный суд Московского округа в постановлении от 13.03.2019 N Ф05-16769/2018 по делу N А40-185485/2016 [25] со ссылкой на п. 3 ст. 4 Федерального закона № 266-ФЗ указал, что круг лиц, на которых может быть возложена субсидиарная ответственность по обязательствам должника, основания и порядок привлечения к такой ответственности установлены главой III.2 Закона о банкротстве.

Согласно второму подходу, процессуальные и материальные нормы, введенные главой III.2 подлежат применению только в том случае, если они не ухудшают положение лица, привлекаемого к ответственности (см., например, Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 18.12.2019 N Ф09-

7136/19 по делу N А60-60122/2017 [28], Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 19.11.2020 N Ф06-67255/2020 по делу N А57-22750/2019 [29], Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20.11.2020 N Ф05-12603/2020 по делу N А40-228096/2017 [30])

Данная правовая позиция основывается на положениях части 1 статьи 54 Конституции Российской Федерации, согласно которой, закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет, а также суды указывают на то, что запрет на применение новелл к ранее возникшим обстоятельствам (отношениям) не действует, если такие обстоятельства, хоть и были впервые поименованы в законе, но по своей сути не ухудшают положение лиц, а являются изложением ранее выработанных подходов, сложившихся в практике рассмотрения соответствующих споров.

И наконец, согласно третьему подходу, выработанному судебной практикой, применяются процессуальные нормы, установленные главой III.2 Закона о банкротстве и материально-правовые нормы, которые действовали на момент совершения контролирующими лицами вменяемых противоправных действий (см., например, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20.01.2020 N Ф05-23519/2019 по делу N А40-36186/2017 [27])

Применяя данный подход, суды основываются на положениях пункта 1 статьи 4 Гражданского кодекса РФ, согласно которому акты гражданского законодательства не имеют обратной силы и применяются к отношениям, возникшим после введения их в действие; действие закона распространяется на отношения, возникшие до введения его в действие, только в случаях, прямо предусмотренных законом.

Стоит обратить внимание на то, что все три вышеуказанных подхода, так или иначе применялись в рамках одного и того же суда – Арбитражного суда Московского округа. Все это ярко показывает масштабы проблемы, так как от правильного применения норм может зависеть исход рассмотрения дела.

Например, пункт 12 статьи 61.11 Закона о банкротстве устанавливается субсидиарную ответственность не только за доведение до банкротства, но и за

совершение действий, которые существенно повлияли на финансовое положение должника, тогда как в ранее действующей редакции статьи 10, подобное основание для привлечения к субсидиарной ответственности отсутствовало.

Разъяснения относительно действия норм о субсидиарной ответственности уже ранее давались на уровне высшего суда, когда Федеральный закон № 73-ФЗ внес существенные изменения в ст. 10 Закона о банкротстве.

Президиум ВАС РФ в Информационном письме от 27.04.2010 № 137 «О некоторых вопросах, связанных с переходными положениями Федерального закона от 28.04.2009 № 73-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [83] указывал, что применение материальных норм зависит от времени совершения действий контролирующими лицами, с которыми заявитель связывает наступление негативных последствий для должника, тогда как процессуальные нормы применяются в той редакции, которые действовали на момент подачи заявления о привлечении к субсидиарной ответственности.

Таким образом, верным является третий подход, согласно которому, в случае подачи заявления о привлечении к субсидиарной ответственности после 01.07.2017 подлежат применению нормы материального права, действовавшие на момент совершения вменяемых действий, и процессуальные нормы, установленные главой III.2 Закона о банкротстве.

Данный подход согласуется с нормами действующего законодательства, а именно частью 4 статьи 3 АПК РФ, пунктом 1 статьи 4 ГК РФ, частью 1 статьи 54 Конституции РФ.

Данный подход также был подтвержден в Определении Верховного Суда РФ от 30.09.2019 № 305-ЭС19-10079 [22], где суд указал, что на момент совершения вменяемых действий глава III.2 Закона о банкротстве не была принята законодателем, вопросы привлечения к субсидиарной ответственности регулировались статьей 10 Закона о банкротстве, в связи с этим, применение

положений статей 61.10, 61.11 Закона о банкротстве к вменяемым противоправным действиям, возникшим до 01.07.2017 является неправомерным.

Разграничение правовых норм, касающихся регулирования вопросов субсидиарной ответственности, на материальные и процессуальные, имеет важное практическое значение, а не только теоретическое.

Согласно сложившейся судебной практике, к процессуальным нормам относят порядок привлечения к субсидиарной ответственности, а к материальным – субъекты субсидиарной ответственности, основания и её размер.

Еще один вопрос, с которым столкнулась судебная практика, касается правовых презумпций и их правовой природы, относятся ли таковые к нормам материального права или являются процессуальными нормами.

Согласно выработанному подходу, в том числе на уровне высшего суда, правовые презумпции являются нормами материального права, следовательно, к ним не может быть применена обратная сила.

Например, Арбитражный суд Северо-Западного округа при производстве по одному из дел, относя правовые презумпции к нормам материального права, указал, что каждый участник гражданского оборота должен быть осведомлен об объеме и порядке реализации своих частных прав по отношению к другим участникам оборота с учетом действующего в момент возникновения правоотношений правового регулирования.

Важное значение в данном вопросе имеет Определение ВС РФ от 25.09.2020 № 310-ЭС20-6760 по делу № А14-7544/2014, которым выработаны следующие правовые позиции:

- 1) правовые презумпции являются нормами материального права
- 2) доказывание статуса контролирующего лица, при невозможности применения презумпции, установленной подпунктом 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве, осуществляется в общем порядке, установленном статьей 65 Арбитражного процессуального кодекса РФ, с опорой на обстоятельства,

установленные данной презумпцией. В таком случае суд, рассматривающий дело, должен дать им правовую оценку. Иными словами, обстоятельство, которое самостоятельно «запускает» действие презумпции, может быть использовано в совокупности с другими обстоятельствами при доказывании факта, который презюмировался бы, если бы соответствующая презумпция действовала [84].

Особую роль при рассмотрении заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности имеют разъяснения, изложенные в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 N 53 [15], которые были приняты после введения главы III.2 Закона о банкротстве.

В связи с этим в судебной практике возникал вопрос, подлежат ли применению данные разъяснения к обстоятельствам, являющимся основанием для привлечения к субсидиарной ответственности, и возникшие до 01.07.2017.

Необходимо отметить, что ранее действовавшая статья 10 Закона о банкротстве, и регулировавшая институт субсидиарной ответственности, незначительно отличалась от действующей в настоящее время статьи 61.11 Закона о банкротстве, в связи с этим, большинство разъяснений, содержащихся в Постановлении Пленума ВС РФ № 53, могут быть применены и к ранее действовавшей статье 10 Закона о банкротстве.

При производстве по одному из дел Верховный Суд РФ указал, что разъяснения норм материального права, изложенные в Постановлении Пленума ВС РФ № 53, могут быть применены к ст. 10 Закона о банкротстве только в части, не ухудшающей положение лиц, привлекаемых к субсидиарной и иной ответственности при банкротстве должника.

Таким образом, несмотря на то, что глава III.2 Закона о банкротстве в настоящее время действует почти 4 года, в судебной практике по ряду вопросов до сих пор нет выработанных единых подходов, даже несмотря на то, что по данным вопросам давались разъяснения на уровне высшего суда.

Все это напрямую влияет на имущественные права лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности, особенно в условиях тенденции привлечения контролирующих лиц к таковой.

Важную роль, при рассмотрении заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности, играет занятая привлекаемым лицом позиция, качество и объем собранных доказательств, профессионализм и опыт представителя контролирующего лица, так как от того, насколько убедительной и грамотной будет его речь, зависит, донесет ли он свою позицию до судьи, а также опыт и профессионализм суда, рассматривающего заявление о привлечении к субсидиарной ответственности.

Только детальная проработка занятой позиции и учет всех вышеуказанных обстоятельств, позволит существенно увеличить шансы добросовестного и разумного руководителя на благоприятный исход рассмотрения обособленного спора по привлечению к субсидиарной ответственности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Институт субсидиарной ответственности в современной России прошел относительно небольшой путь своего развития, его появление во многом обусловлено активным развитием института юридических лиц, их вовлечение в гражданский оборот, постоянно нарастающие и усложняющиеся экономико-правовые отношения между субъектами гражданского оборота, неотъемлемой частью которых является несостоятельность (банкротство) данных лиц в силу определенных причин, которые обусловлены как объективными факторами, так и действиями контролирующих Должника лиц.

Данный институт преследует цель защиты имущественных прав кредиторов несостоятельного должника путем возложения ответственности должника на его контролирующих лиц в случае совершения ими противоправных действий, злоупотребления формой юридического лица, которое привело к недостаточности имущества для расчета с кредиторами.

Необходимо отметить, что развитие данного института положительно отражается на защите имущественных прав кредиторов, однако, процесс развития данного института еще не завершен.

В настоящее время данный институт имеет множество изъянов, недоработок, пробелов, что приводит к его неоднозначному применению в судебной практике, а это, так или иначе, влияет на бизнес-климат в стране, заинтересованность иностранных инвесторов в ведении бизнеса в России.

Принятие законодателем усиленных мер по защите имущественных прав кредиторов привело к тому, что институт субсидиарной ответственности служит порой инструментом «расправы» с менеджментом несостоятельного Должника.

Наличие данных проблем, представляется, связано с тем, что на начальном этапе при разработке положений о субсидиарной ответственности у законодателя отсутствовало четкое представление о данном механизме, не была осуществлена детальная теоретическая проработка, не принят во внимание

опыт зарубежных стран по данному вопросу, что в настоящее время привело к нарушению баланса противоположных интересов: имущественных прав кредиторов, с одной стороны, и свободы предпринимательской деятельности, с другой стороны.

Институт субсидиарной ответственности в определенной степени противопоставляется базовому принципу ограниченной ответственности участников юридического лица, а наметившееся «прокредиторское» направление в данной области фактически привело к разрушению данного принципа.

Процент привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности неуклонно растет, вместе с тем, не во всех случаях его применение является обоснованным.

В результате ошибочного привлечения к субсидиарной ответственности разрушаются судьбы контролирующих должника лиц, так как снять данную ответственность в силу действующего законодательства невозможно.

Недостаточная проработка на законодательном уровне института субсидиарной ответственности приводит к неверному развитию судебной практики, нарушению баланса противоборствующих интересов сторон.

На негативное развитие судебной практики в области субсидиарной ответственности влияет:

1) невозможность применения института арбитражных заседателей при рассмотрении споров о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности;

2) высокая нагрузка судей;

3) отсутствие практического опыта ведения бизнеса у судей.

4) отсутствие закрепленных в законе прав контролирующих должника лиц в рамках дела о банкротстве должника.

5) пассивное процессуальное поведение привлекаемых к субсидиарной ответственности;

б) отсутствие четкого разграничения института убытков от института субсидиарной ответственности.

По итогам настоящего исследования проведено изучение и анализ темы и ее проблематики.

Свидетельством этого является достижение поставленной цели и выполнение определенных задач:

– проанализирована история развития института субсидиарной ответственности контролирующих несостоятельного должника лиц ввиду невозможности им полного удовлетворения требования кредиторов;

- определены цели, способствующие развитию данного института, его направленность в системе действующего законодательства;

– рассмотрены основания привлечения к субсидиарной ответственности по долгам должника – юридического лица;

– определены тенденции правового регулирования данного института.

На основе комплексного изучения научной литературы, правовой практики и нормативно-правовых документов субсидиарной ответственности сделаны выводы, которые допустимо использовать в целях развития науки гражданского права, совершенствования законотворческой и правоприменительной деятельности, направленной на обеспечение баланса интересов сторон, повышение бизнес-климата в стране.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

I. Нормативно-правовые акты

1. Конституция Российской Федерации: от 12 декабря 1993 года: по состоянию на 21.07.2020 г. // «Российская газета». – 1993. - № 237.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ: по состоянию на 09 марта 2021 г. // «Российская газета». – 1994. - № 238-239.
3. Об акционерных обществах: Федеральный закон № 208-ФЗ от 26.12.1995 года: по состоянию на 31 июля 2020 г. // «Российская газета». – 1995. - № 248.
4. О государственных и муниципальных унитарных предприятиях: Федеральный закон: 161-ФЗ от 14.11.2002 года: по состоянию на 02.07.2021 г. // «Российская газета». – 2002. - № 229.
5. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон № 127-ФЗ от 26 октября 2002 года: по состоянию на 02.07.2021 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.
6. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон № 14-ФЗ от 08.02.1998 года: по состоянию на 31 июля 2020 г. // «Российская газета». – 1998. - № 30.
7. Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства: Постановление Правительства Российской Федерации № 855 от 27.12.2004 года: по состоянию на 27.12.2004 г. // Российская Бизнес-газета. - 2005. - № 1.
8. Об утверждении Правил проведения арбитражным управляющим финансового анализа: Постановление Правительства Российской Федерации № 367 от 25.06.2003 года: по состоянию на 25.06.2003 г. // Российская Бизнес-газета. – 2003. - № 26.

II. Судебная практика

9. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.04.2001 № 7-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного

суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области, жалобами открытых акционерных обществ «Автоваз» и «Комбинат Североникель», обществ с ограниченной ответственностью «Верность», «Вита-Плюс» и «Невско-Балтийская транспортная компания», товарищества с ограниченной ответственностью «Совместное российское-южноафриканское предприятие «Эконт» и гражданина А.Д. Чулкова» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2001. - № 5.

10. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 6, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 8 от 01.07.1996 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень ВС РФ. – 1996. – № 9.

11. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень ВС РФ. – 2015. – № 8.

12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // «Российская газета». – 2017. - № 297.

13. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 15.12.2004 № 29 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Бюллетень ВС РФ. – 2018. – № 3.

14. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Вестник Высшего Арбитражного суда Российской Федерации. – 2013. - № 10.

15. Постановление Пленума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах,

связанных с рассмотрением дел о банкротстве» // Вестник Высшего Арбитражного суда Российской Федерации. – 2012. - № 8

16. Постановление Пленума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 17.12.2009 № 91 «О порядке погашения расходов по делу о банкротстве» // «Вестник Высшего Арбитражного суда Российской Федерации». – 2010. - № 2

17. Постановление Пленума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 18.11.2003 № 19 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об акционерных обществах» // «Вестник Высшего Арбитражного суда Российской Федерации». – 2004. - № 1. – 2004.

18. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 05.04.2018 № 305-ЭС16-4982 по делу № А40-131002/2014 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 21.11.2021).

19. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 07.10.2019 № 307-ЭС17-11745(2) по делу № А56-83793/2014 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 21.11.2021).

20. Определение Верховного Суда РФ от 08.08.2018 № 309-ЭС18-10829 по делу № А76-12674/2012 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 21.11.2021).

21. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30.09.2019 № 305-ЭС16-18600 по делу № А40-51687/2012 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 21.11.2021).

22. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 23.12.2019 № 305-ЭС19-13329 по делу № А40-131425/16 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 21.11.2021).

23. Определение судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 16.12.2019 № 303-ЭС19-15056 по делу № А04-

7887/2016 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 21.11.2021).

24. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 04.12.2020 по делу № А81-10636/2017 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 21.11.2021).

25. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 24.01.2020 № Ф04-1103/2016 по делу № А45-7621/2015 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 21.11.2021).

26. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13.03.2019 № Ф05-16769/2018 по делу № А40-185485/2016 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 21.11.2021).

27. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20.01.2020 № Ф05-23519/2019 по делу № А40-36186/2017 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 21.11.2021).

28. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 18.12.2019 № Ф09-7136/19 по делу № А60-60122/2017 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 21.11.2021).

29. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 19.11.2020 № Ф06-67255/2020 по делу № А57-22750/2019 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 21.11.2021).

30. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20.11.2020 № Ф05-12603/2020 по делу № А40-228096/2017 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 21.11.2021).

31. Определением Арбитражного суда г. Москвы от 27.10.2020 по делу А40-131425/16 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 21.11.2021).

III. Научная и учебная литература

32. Абрамов С.И. Роль правовых презумпций в контексте реформирования института имущественной ответственности при банкротстве // Актуальные проблемы российского права, 2019. № 11. С. 52-63.

33. Алексеев С.С. О составе гражданского правонарушения / С.С. Алексеев // Правоведение, 1958. № 1. С. 47–53.
34. Аракелов С.А., Чекмышев К.Н., Солдатенков В.Ю. Институт субсидиарной ответственности как новый фактор экономического развития // Вестник экономического правосудия Российской Федерации, 2018. № 4. С. 146–158.
35. Бакин А.С. Понятие субсидиарного обязательства в гражданском праве РФ / А.С. Бакин // Вестник Томского государственного университета, 2010. № 339. С. 91–94.
36. Будылин С.В., Иванец Ю.Л. Срывая покровы: Доктрина снятия корпоративной вуали в зарубежных странах и России / С.В. Будылин, Ю.Л. Иванец // Вестник ВАС РФ, 2013. № 7. С. 80–125.
37. Габов А.В. Об ответственности членов органов управления юридических лиц / А.В. Габов // Вестник ВАС РФ, 2013. № 7. С. 36–79.
38. Губин Е.П. Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития: монография / Е.Г. Афанасьева, А.В. Белицкая, В.А. Вайпан и др.; отв. ред. Е.П. Губин. М.: Юстицинформ, 2019. 664 с.
39. Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2019. 488 с.
40. Добрачев Д.В. Гражданско-правовые формы защиты прав кредитора. М.: Инфотропик Медиа, 2017. 120 с.
41. Егоров А.В. Исковая давность по требованиям о привлечении к субсидиарной ответственности при банкротстве // Вестник гражданского права, 2018. № 4. С. 132–153.
42. Егоров А.В., Усачева К.А. Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства – неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративного покровы / А.В. Егоров, К.А. Усачева // Вестник ВАС РФ, 2013. № 12. С. 6–61.
43. Егоров А.В., Усачева К.А. Доктрина «снятия корпоративного покровы» как инструмент распределения рисков между участниками корпорации и

иными субъектами оборота / А.В. Егоров, К.А. Усачева // Вестник гражданского права, 2014. № 1. С. 31–73.

44. Иванова С.П., Земляков Д.Н., Баранников А.Л. Несостоятельность (банкротство) юридических и физических лиц: учебное пособие. М.: Юстиция, 2018. 200 с.

45. Кабанова И.Е. Гражданско-правовая ответственность публичных субъектов: вопросы теории и практики: монография / отв. ред. М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2018. 398 с.

46. Карапетов А.Г., Матвиенко С.В., Мороз А.И., Сафонова М.В., Фетисова Е.М. Обзор правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации по вопросам частного права за февраль 2018 г. // Вестник экономического правосудия Российской Федерации, 2018. № 4. С. 50-60.

47. Куркина Н.В. К вопросу установления правовых последствий нарушения требований законодательства по вопросам заключения сделок, заключенных корпорациями // Вестник экономической безопасности, 2019. № 3. С. 92-97.

48. Лаптев В.А. Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем: монография. М.: Проспект, 2019. 384 с.

49. Лахтин А.Л. Основания привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в банкротстве // Символ науки, 2020. № 1 (18). С. 56-59.

50. Львова О. Экспертиза преднамеренного банкротства: выявить нельзя скрыть // Юридическая работа в кредитной организации, 2018. № 2. С. 36-46.

51. Любимова Е.Е. Субсидиарная ответственность за невозможность полного погашения требований кредиторов // Арбитражные споры, 2018. № 2. С. 61-71.

52. Мифтахутдинов Р.Т. Контролирующие должника лица как субъекты субсидиарной ответственности при банкротстве // Законы России: опыт, анализ, практика, 2018. № 7. С. 33-37.

53. Мифтахутдинов Р.Т. Эволюция института субсидиарной ответственности при банкротстве: причины и последствия правовой реформы // Закон, 2018. № 5. С. 187-191.

54. Михайловский М.В. Преднамеренное и фиктивное банкротство // Административное право, 2017. № 2. С. 21-29.
55. Мозолин В.П. Гражданско-правовая ответственность в системе российского права // Журнал российского права, 2012. № 1 (181). С. 33-40.
56. Наумова О. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц // Административное право, 2019. № 1. С. 39-55.
57. Новикова Е. Субсидиарная ответственность директоров обанкротившихся фирм за долги // Трудовое право, 2018. № 2. С. 57-74.
58. Одинцов С.В., Чикин Н.С. Субсидиарная ответственность руководителя и собственника должника: актуальные вопросы доктрины и правоприменительной практики // Имущественные отношения в Российской Федерации, 2019. № 12. С. 68-79.
59. Пирогова Е.С. Критерии установления причинно-следственной связи в составе оснований субсидиарной ответственности контролирующего лица за доведение должника до банкротства // Гражданское право, 2017. № 2. С. 33-37.
60. Подольский Ю.Д. Обособленные споры в банкротстве: монография. Москва: Статут, 2020. 171 с.
61. Рыков И.Ю. Субсидиарная ответственность: тенденции современного менеджмента. 2-е изд. М.: Статут, 2019. 195 с.
62. Свириденко О.М. Актуальные вопросы субсидиарной ответственности контролирующих лиц при банкротстве должника // Lexrussica, 2018. № 12. С. 18 - 24.
63. Семенихин В.В. Ответственность организаций и их руководителей. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ГроссМедиа, РОСБУХ, 2018. 1014 с.
64. Слоневская А.Ю. Институт субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника-банкрота // Вестник экономического правосудия Российской Федерации, 2017. № 1. С. 103-115.
65. Степанов Д.И., Михальчук Ю.С. Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки в судебной практике. М.: Статут, 2018. 207 с.

66. Суворов Е.Д. К вопросу о правовой природе субсидиарной ответственности по обязательствам несостоятельного должника за доведение до банкротства // *Законы России: опыт, анализ, практика*, 2018. № 7. С. 42-49.
67. Суворов Е.Д. Возражения субсидиарного должника по обязательствам несостоятельного лица как способ достижения баланса конституционно значимых интересов // *Закон*, 2018. № 7. С. 50-67.
68. Суханов Е.А. Ответственность участников корпорации по ее долгам в современном корпоративном праве / Е.А. Суханов // *Проблемы современной цивилистики: сборник статей, посвященных памяти профессора С.М. Корнеева*, 2013. 348 с.
69. Тарасенко А.А. Ответственность контролирующих лиц за должника: некоторые историко-правовые факторы становления института / А.А. Тарасенко // *Юрист*, 2013. № 24. С. 11–16.
70. Чеглокова Е.И. Гражданско-правовая ответственность в процедурах несостоятельности (банкротства) // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*, 2012. № 4 (19). С. 54-58.
71. Шевченко И.М. К вопросу об определении размера субсидиарной ответственности контролирующего должника лица в деле о банкротстве // *Судья*, 2018. № 4. С. 42-46.
72. Шиткина И.С. Корпоративное право: учебник / А.В. Габов, Е.П. Губин, С.А. Карелина и др.; отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Статут, 2019. 735 с.
73. Шиткина И. С. Ответственность контролирующих должника лиц при несостоятельности (банкротстве) // *Хозяйство и право*, 2017. № 8. С. 3-24.
74. Шишмарева Т.П. Особенности оспаривания в процедурах несостоятельности (банкротства) сделок должника-гражданина // *Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес»*, 2018. № 3. С. 39-44.
75. Шишмарева Т.П. Основания и условия привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника и иных лиц в процедурах

несостоятельности (банкротства) // Законы России: опыт, анализ, практика, 2018. № 7. С. 3-8.

76. Яковлев В.Ф. Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики) / Г.Г. Астахов, О.А. Беляева, Е.Ю. Борзило и др.; отв. ред. В.Ф. Яковлев. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2019. Вып. 25. 240 с.

77. Статистика привлечения к субсидиарной ответственности // Закон.ру: [сайт]. URL: https://zakon.ru/blog/2020/2/3/statistika_privlecheniya_k_subsidiarnoj_otvetstvennosti (дата обращения: 21.11.2021).

78. Два стандарта добросовестности в гражданском праве: стандарт долженствования и стандарт осуществимости // Закон.ру: [сайт]. URL: https://zakon.ru/blog/2020/04/08/dva_standarta_dobrosovestnosti_v_grazhdanskom_prave_standart_dolzhenstvovaniya_i_standart_osuschestv (дата обращения: 21.11.2021).

79. Привлечение к субсидиарной ответственности за доведение до банкротства. Часть 2. Совершение убыточных сделок и экономически нецелесообразных операций // Закон.ру: [сайт]. URL: https://zakon.ru/blog/2021/06/11/privlechenie_k_subsidiarnoj_otvetstvennosti_za_dovedenie_do_bankrotstvachast_2_sovershenie_ubytochny (дата обращения: 21.11.2021).

80. Право контролирующего органа оспаривать требования кредиторов: противоречия в позициях судов // Арбитражная практика: [сайт]. URL: <https://e.arbitr-praktika.ru/927926> (дата обращения: 21.11.2021).

81. ВС РФ рассмотрит спор о возвращении судами жалобы контролирующего должника лица на конкурсного управляющего – ПБ «Олевинский, Буюкян и партнеры» // Федресурс: [сайт]. URL: <https://fedresurs.ru/news/ced76f7e-1d0f-4275-bb8b-e4fbcbd4cca0> (дата обращения: 21.11.2021).

82. О правах привлекаемого к субсидиарной ответственности лица в деле о банкротстве. Выводы Определения СКЭС ВС РФ № 307-ЭС21-9176 от 30.09.2021 года // Закон.ру: [сайт]. URL:

https://zakon.ru/blog/2021/10/13/o_pravah_privlekaemogo_k_subsidiarnoj_otvetstvennosti_lica_v_dele_o_bankrotstve_vyvody_opredeleniya (дата обращения: 21.11.2021).

83. О некоторых вопросах, связанных с переходными положениями Федерального закона от 28.04.2009 № 73-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Экономика и жизнь: [сайт]. URL: <https://www.eg-online.ru/document/adjudication/100461> (дата обращения: 21.11.2021).

84. ВС РФ сделал ряд важных выводов о субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц // Шортрид: [сайт]. URL: <https://shortread.ru/vs-rf-sdelal-ryad-vazhnyh-vyvodov-o-subsidiarnoj-otvetstvennosti-kontrolirujushhih-dolzhnika-lic> (дата обращения: 21.11.2021).